

Евгений ЗАЧЕВСКИЙ

«ГРУППА 47» В ПРИНСТОНЕ

Аннотация: Статья посвящена встрече «Группы 47» в США в Принстонском университете, организованной Виктором Ланге в 1966 г., предыстории этой поездки, изучению взаимодействия немецких и американских писателей в 1960-е гг. Несмотря на критику войны во Вьетнаме со стороны членов «Группы 47», а также внутренние разногласия по ряду политических и литературных вопросов, Г.В. Рихтером было принято решение отправиться в Принстон при условии, что поездка будет носить приватный характер и будет проходить не по правительственной линии, а «Группа 47» будет представлена исключительно как литературное объединение. Встреча включала в себя закрытое обсуждение произведений членов «Группы 47» и последовавшую двухдневную конференцию, открытую для слушателей – как американских литераторов и представителей прессы, так и немецких писателей-эмигрантов. В статье рассматриваются заседания Принстонской встречи «Группы 47», обозреваются полемичные высказывания и выступления Г. Грасса, П. Вайса, Э. Фрида и др., анализируются воспоминания и переписка членов группы. Приводятся отклики немногочисленных корреспондентов: американская печать отреагировала на встречу «Группы 47» в Принстоне весьма сдержанно (за исключением интереса к фигуре Г. Грасса, который стал фаворитом дискуссий), не получила высокого признания встреча и со стороны приглашенных американских писателей, что свидетельствовало о новых ориентирах американской литературы и нежелании опираться на европейский опыт. Характер обсуждений, состоявшихся в ходе Принстонской встречи, позволяет проследить эволюцию взглядов участников «Группы 47», высвечивает существующие и назревающие конфликты внутри группы, как личные, так и политические.

Ключевые слова: «Группа 47», литература ФРГ, Ганс Вернер Рихтер, Гюнтер Грасс, Виктор Ланге, Петер Вайс, Принстонский университет, литература США.

© 2020 Евгений Александрович Зачевский (д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого) archont35@mail.ru

Evgeny ZACHEVSKY

“GROUP 47” AT PRINCETON

Abstract: The article examines the meeting of the “Group 47” at Princeton University (USA), organized by Victor Lange in 1966, the background to this trip, and the interaction between German and American writers in the 1960s. Despite the protests of the writers of the “Group 47” against US policy in Vietnam, as well as differences within the group over a number of political and literary issues, H.W. Richter accepts the invitation to Princeton, provided that the trip was private and the “Group 47” would participate as a literary association and not under the auspices of the Government. The meeting included a private discussion of the works by the “Group 47” members (no reporters were permitted) and the two-day conference, open to the public – members of the press, American and German emigrant writers. The paper studies the proceedings of the Princeton meeting, considers controversial statements and reports by G. Grass, P. Weiß, E. Fried et al., analyzes memories and correspondence of the “Group 47” members. The meeting failed to become a significant cultural event and the American press published few reviews on the “Group 47” at Princeton (except G. Grass, who became a favorite of discussions). The debates got little recognition among the invited American writers which demonstrated their little interest in the European experience and the importance of the new guidelines for the American literature. The course of the discussions that took place during the Princeton meeting helps to trace the evolution of the views of the “Group 47” members, highlights the existing and emerging conflicts within the group, both personal and political.

Keywords: “Group 47”, literature of West Germany, Hans Werner Richter, Günter Grass, Victor Lange, Peter Weiß, Princeton University, American literature.

© 2020 Evgeny A. Zachevsky (Doctor Hab. in Philology; Professor emeritus, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University) archont35@mail.ru

Отношения авторов «Группы 47» с американскими оккупационными властями в Западной Германии, как известно, завершились совсем не на радостной ноте, что, однако, никак не отразилось на интересе членов этого литературного объединения к американской литературе. По крайней мере, на первой же учредительной встрече авторов «Группы 47», состоявшейся 6–7 сентября 1947 г. в Баннвальдзее, разгорелась оживленная дискуссия о том, откуда есть пошел немецкий короткий рассказ, и чаша весов ощутимо склонялась в сторону *short story* – американского короткого рассказа. Перевес в сторону американской версии обусловлен был как творческой практикой, так и высказываниями самих участников литературного процесса, которые решительно подчеркивали возникновение у себя интереса к короткому рассказу сильным влиянием американских писателей. Подобное положение характерно как для авторов, начинавших писать в американском плену (А. Андерш, В. Шнурре, Г.В. Рихтер), так и для авторов, впервые столкнувшихся с американским коротким рассказом после 1945 г. (В. Борхерт, Г. Бёлль и даже Э. Ланггэссер). Если учесть, что тогдашняя литературная молодежь скептически относилась к творческому наследию прошлого, то классический немецкий вариант не являлся решающим фактором для возникновения после 1945 года интереса к короткому рассказу. Кто из молодых так хорошо знал классическую немецкую литературу, чтобы опереться на ее опыт в своих творческих исканиях? Единицы, не больше. В массе своей литературная молодежь прошла свои университеты на полях сражений, и поэтому литературоведческие изыски в защиту собственно немецкого происхождения короткого рассказа не имели под собой оснований.

В пользу американского происхождения немецкого послевоенного короткого рассказа говорит прежде всего тот факт, что в Западной Германии с 1946 по 1951 гг. тиражом в 50 000 тысяч экземпляров выходит на немецком языке журнал *story. Erzähler des Auslands*, где, согласно издательскому уведомлению, «публикуются лучшие рассказы современных авторов всего мира с тем, чтобы освободить немецкого читателя из его невольной изоляции, дать ему ориентир и показать, как пишут за рубежом»¹. Несмотря на ссылку на «авторов всего мира» ос-

---

¹ Всеобщность интереса к американскому короткому рассказу в послевоенной Западной Германии подтверждает и издатель журнала Хайнрих Мария Ледиг-Ровольт, приводя в своем предисловии к переизданию 1986 года ряда рассказов из журнала *story* восторженное высказывание режиссера Вольфганга Либенайнера, т.е. человека, не занимающегося литературой профессионально, о значимости для

нову журнала составляли произведения американских авторов – Э. Хемингуэя, Т. Вулфа, У. Сарояна, Ш. Андерсона, Д. Стейнбека и многих других рангом поменьше. Наряду с рассказами в *story* публиковались также критические статьи как ведущих мастеров американского и английского короткого рассказа (Э. Боуэн, Г. Миллера, С. Моэма), так и западногерманских литературоведов (Ф. Мартини, Г. Эппельсхаймера). Потом, когда пройдет пик американской волны, немецкие писатели обнаружат, что и в немецкой классической литературе были превосходные образцы короткого рассказа, потом уже возникнут имена Геббеля, Клейста, Кафки. Но сейчас, в первые послевоенные годы, авторитет американского короткого рассказа был непререкаем, и речь шла лишь о том, как применить американский опыт.

Еще находясь в плену, Андерш в статье «Новые поэты Америки» связывал необходимость обращения к американской литературе с понятием «свободы», считая, что современная американская проза является выражением «стиля свободного человека»². Вторым достоинством американской прозы, вытекающим из первого постулата, по мнению Андерша и многих его современников, было стилистическое и тематическое опрощение: намеренное внимание к банальным проявлениям жизни, культ антигероя, отверженного, выброшенного из привычной колеи общественной предопределенности. Подробный перечень персонажей, характерных для короткого рассказа, дает Ганс Бендер, один из именитых рассказчиков «Группы 47»: «больные, подверженные хандре, сумасшедшие, извращенные люди», «впавшие в детство старики и рано повзрослевшие дети, дамы и господа, место которых в приемной доктора Фрейда, обанкротившиеся личности, люди богемы, мечтатели, меланхолики, нуждающиеся»³. Такого же

интеллекта тех лет *story*, «открывавшего совершенно новые ландшафты души» (Ledig-Rowohlt, H.M. “Vorwort.” *story. Erzähler des Auslands* (1986). Reimbek bei Hamburg: Rowohlt, 1989: 9–12. Наряду со *story* в Западной Германии выходил с 1947 по 1950 гг. журнал *Die Erzählung*, где публиковались преимущественно рассказы, написанные в традиционной манере, романы с продолжением, повести, новеллы, очерки и литературные эссе, что объяснялось «охранительными» принципами редакционной политики руководства журнала, выдвигавшего на первый план ценности классической литературы. Не случайно, что наиболее публикуемыми авторами журнала были представители «внутренней эмиграции» П. Альвердес, Г. Каросса, В. Бауэр, Ф. Юнгер, М.Д. Кашниц, К. Кролов, Э. Ланггэссер, В. фон Моло, Э. Пенцольд. Короткий рассказ также был представлен именами А. Бирса, К. Мэнсфилд, Г. Грина.

² Andersch, A. “Die neuen Dichter Amerikas.” *Der Ruf* (USA) (15.6.1945).

³ Bender, H. “Ortsbestimmung der Kurzgeschichte.” *Akzente* 9:3 (1962): 214.

мнения и В. Шнурре, страстный поклонник журнала *story*⁴ и, пожалуй, самый талантливый представитель жанра короткого рассказа в немецкой литературе: «Сердце автора шорт-стори принадлежит аутсайдерам, а среднему человеку принадлежит его ум», потому «его героями являются часто дети, душевнобольные, искалеченные боксеры, слабоумные бродяги, внутренне опустошенные супруги и духовно раненные насмерть героини войны»⁵. А. Андерш, публикуя свой перевод рассказа Дж. Стейнбека «Происхождение Туларесито» из романа в рассказах «Небесные пастбища», в сопроводительной статье отмечает, что «особое положение Стейнбека в современной литературе Соединенных Штатов покоится, собственно, на том, что он создал мир чудаков, одиночек, полусумасшедших, бродяг, рабочих, бедных фермеров и погрязших в своих фантазиях девушек»⁶. Сам Стейнбек как-то заметил: «Я обратил внимание, что некоторые рецензенты (что за мразь!) сетуют, что я имею дело с ненормальными и психопатами. Если эти критики возьмут на себя труд изучить своих соседей в пределах одного лишь квартала, они обнаружат, что я описываю нормальных и обычных людей»⁷.

Именно отсюда берет начало вереница антигероев в произведениях писателей «Группы 47». Г. Бёлль, всегда считавший себя «по натуре писателем короткого рассказа»⁸, строит многие свои романы как некое собрание рассказов, историй, близких или тесно переплетающихся друг с другом в одном тематическом круге, и, как правило, героем этих романов оказывается социальный аутсайдер, сознательно поставивший себя вне рамок общества. По такому же принципу построен и роман В. Кольбенхофа «От нашей плоти и крови», справедливо расцененный критикой как «антинацистский и солдатский рассказ в духе столь любимого тогда Хемингуэя»⁹, хотя аутсайдер выступает здесь как отрицательный герой.

⁴ Marx, L. *Die deutsche Kurzgeschichte*. Stuttgart: Stuttgart Metzler, 1985: 130.

⁵ Schnurre, W. «Kritik und Waffe. Zur Problematik der Kurzgeschichte.» *Literarium* 5 (1960): 1.

⁶ Andersch, A. «Eine amerikanische Erzählung.» *Frankfurter Hefte* 9 (1947): 941.

⁷ Цит. по: Батулин С. Джон Стейнбек и традиции американской литературы. М.: Художественная литература, 1984. С. 54.

⁸ «Ich habe nichts über den Krieg geschrieben'. Ein Gespräch mit Heinrich Böll und Hermann Lenz.» *Literaturmagazin 7. Nachkriegsliteratur*, hrsg. v. N. Born, J. Manthey. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1977: 50.

⁹ Anonym. «Opa bis Apo.» *Der Spiegel* 11 (1971): 169.

В не меньшей степени привлекала молодых писателей и поэтика американского короткого рассказа: простой язык, преобладание диалога, заменяющего авторский комментарий, монтаж, чрезвычайная «вещность» повествования с ограниченным набором обыгрываемых в рассказе реалий. Недаром Шнурре отмечает в числе достоинств короткого рассказа его способность «достигать цели без всяких околечностей»¹⁰, имея в виду психологическую сторону повествования, описания характеров, ландшафтов и считая эту особенность классического рассказа «делом слишком долгим и вообще отвлекающим от главного»¹¹. Скорейшее достижение цели, по мнению Шнурре, происходит не путем декларирования идей, навязывания читателю авторской точки зрения, а путем протокольного, лишенного каких-либо эмоций, отражения действительности, описания событий и реалий, что и создает у читателя необходимую реакцию:

Писатель, который сам ненавидит, который превращает ненависть в литературное произведение или во что-то на него похожее, не лишает ли он, таким образом, сам себя возможного воздействия на читателя?¹²

О том же пишет Э. Хемингуэй:

Я помню, как вернулся с Ближнего Востока... потрясенный всем, что увидел, и в Париже стал перед выбором, посвятить ли мне жизнь тому, чтобы бороться со всем этим, или же стать писателем. Я решил, холодный, как змей, что стану писателем, я буду всю жизнь писать так верно, как только смогу¹³.

Приведенные высказывания находятся лишь в духовном родстве, но важно, что возникли они при оценке одних и тех же социально-политических обстоятельств. Катарсис наступает не от столкновения читателя с нагромождением ужасов и страданий, а от постепенного

---

¹⁰ *Protokoll zur Person. Autoren über sich und ihr Werk*, hrsg.v. E. Rudolph. München: List, 1971: 118.

¹¹ *Шнурре В.* Когда отцовы усы еще были рыжими. Рассказы. М.: Художественная литература, 1981. С. 408.

¹² Там же. С. 398.

¹³ Цит. по: *Старцев А.* От Уитмена до Хемингуэя. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1981. С. 288.

осознания преступности изображаемого, которое достигается решительным изменением стиля повествования.

Творческое кредо Хемингуэя «стать холодным, как змей», опосредованное ужасами войны, человеческими страданиями, вызвало и соответствующий стиль внешне бесстрастного, но внутренне взрывоопасного повествования. Такова природа поэтики рассказов Шнурре:

Писателю надо ясно отдавать себе отчет в том, что Освенцим и все ужасы прошедшей войны изменили буквы, слова, понятия и даже символы; это и заставляет использовать их не так, как они использовались прежде... Слова стали тяжелее, предложения – неподатливей, понятия конкретнее, а символика потеряла смысл. [...] ...знания о том, что газовые камеры были, обусловило также высокие требования к поэзии и к литературе, каких не было никогда раньше¹⁴.

Переключка Шнурре с Хемингуэем заметна, хотя Шнурре и говорил, что с Хемингуэем его связывает лишь «стилистическое родство»¹⁵. Но стиль не рождается сам по себе, а является отражением определенного мировоззрения, творческой позиции, и поэтому здесь можно говорить и о духовном родстве одного из блестящих рассказчиков ФРГ с великим американским реалистом. Это родство с особой силой ощущается в ранних рассказах Шнурре. Позднее, в процессе эволюции, присутствие Хемингуэя в творчестве Шнурре менее заметно, но все же хемингуэевский настрой отличает произведения Шнурре постоянно. Если сравнить, например, рассказы «Похороны» (1947) и «Красная гвоздика» (1976), то большого различия в них нет, хотя последний рассказ отмечен чистотой стиля, отточенностью фразы. Их роднит общность авторского отношения к действительности, общность способов ее постижения, что воплощается в почти сценическом диалоге с интонациями, присущими только прозе Шнурре. Ритм диалога, «четвертое измерение творчества» (Хемингуэй), создается повтором значащих для автора слов, ключевых для настроения всего произведения, незаметным вводом их в другое окружение, что придает им новый смысл, определяет правомочность их существования в данном

¹⁴ Шнурре В. Когда отцовы усы еще были рыжими. С. 399, 400.

¹⁵ “Antworten junger Autoren auf eine Umfrage.” *Literarische Revue* (München) 4 (1949): 247.

качестве. Таким образом «накапливается ощущение достоверности», начинает работать «инерция читательского воображения»¹⁶, питающаяся незамысловатым набором точно выписанных реалий. Обыденность художественных средств и создаваемых с их помощью образов приходит в противоречие с содержанием (ср. отправку на фронт детского батальона в рассказе Шнурре «Выступление» или погребение бога в рассказе «Похороны»). Эту высшую точку произведения и достигаемый таким образом эффект Хемингуэй называл «пятым измерением»¹⁷. Не удивительно, что в Баннвальдзее, где «больше говорили о содержании текста, чем о его формальных качествах»¹⁸, рассказ Шнурре «Похороны» был воспринят многими как модель художественного отражения действительности, и в этом была своя закономерность, определяющая суть «Группы 47».

В последующей деятельности «Группы 47» эти принципы отражения западногерманской действительности оставались достаточно знаковыми, однако с приходом нового поколения университетских авторов этого литературного объединения американская составляющая не то чтобы угасла, а стала в какой-то мере делом обычным, не требующим каждодневной мантры. Для писателей послевоенного поколения, а для авторов «Группы 47» в особенности, определяющими стали принципы литературы модерна. Речь шла не только о произведениях Франца Кафки, Готфрида Бенна, Марселя Пруста, Джеймса Джойса, У. Фолкнера («Свет в августе», «Шум и ярость»), Эрнеста Хемингуэя («Фиеста», «По ком звонит колокол», «Снега Килиманджаро»), Т. Уайлдера («Наш городок», «Мост короля Людовика святого»), Томаса Вулфа («Оглянись на дом свой, ангел»), если ограничиться именами великих модернистов межвоенного времени, но и о новоявленных модернистах, таких как Жан-Поль Сартр («Мухи»), Альбер Камю («Чума», «Миф о Сизифе»), Жан Жироду («Троянской войны не будет»), Жан Ануй («Антигона»), Тенниси Уильямс («Трамвай "Желание"»), Макс Фриш («Штиллер»), Фридрих Дюрренмат («Визит старой дамы»).

---

¹⁶ Днепров В. Идеи времени и формы времени. Л.: Советский писатель, 1980. С. 94.

¹⁷ Franzen, E. *Aufklärungen*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1964: 137.

¹⁸ Friedrich, H. "Das Jahr 47." *Almanach der Gruppe 47: 1947–1962*, hrsg.v. H.W. Richter. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1964: 18.

В какой-то мере модернизм в Западной Германии можно рассматривать как проявление некоей оппозиции официальному лозунгу «никаких экспериментов!», выдвинутому канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром. Хотя этот лозунг касался в основном социально-политических и экономических проблем, стоявших перед новой республикой, отраженным светом он существенно затрагивал и все проявления культурной жизни страны. Недаром буржуазные исследователи, обычно отрицающие такую связь, утверждали, что «развитие литературы ФРГ происходило синхронно с политической и социальной историей Федеративной Республики»¹⁹.

Усиление литературы модерна обозначило и заметный спад «литературы вырубки», что, применительно к «Группе 47», вызвано было ощутимым притоком в ее ряды литературной молодежи, незатронутой войной напрямую, отчего их подход к рассмотрению проблем фашистского прошлого и настоящей действительности был в значительной мере отмечен философскими построениями в духе французских экзистенциалистов, т.е. с сохранением определенной дистанции по отношению к реальным событиям, что подразумевало создание экстремальных ситуаций с минимумом бытовых реалий. Это были не «чистые» модернисты, с головой ушедшие в непроходимые чащобы экспериментов, а «полумодернисты», если их так можно назвать, для которых поэтика модерна, как «классического», так и новоявленного, была способом по-новому взглянуть на старое – приглядевшееся, прижившееся, стертое и тем самым прикрывшее свое истинное лицо.

Столь пространное введение, предвещающее сюжет о поездке «Группы 47» в Принстон, необходимо для того, чтобы понять принципиальный, разительный разрыв в восприятии литературы США авторами этого творческого объединения в первые послевоенные годы – и в 60-е. Этот разрыв изначально был заложен в практическом подходе американцев, стремившихся обеспечить в послевоенной Германии союзника для своих политических надобностей. Насколько успешным в части политической оказался этот эксперимент, настолько провальным оказался он в культурном отношении, а в сугубо литературном – катастрофическим, или, как сказали бы американцы, не стоящим потраченных на него денег. Более того, имидж США после начала войны во Вьетнаме в глазах подавляющего числа авторов

---

¹⁹ Glaser, H. *Kulturgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Zwischen Grundgesetz und Großer Koalition 1949–1967*. München, Wien: Hanser Verlag, 1986: 19.

«Группы 47» упал ниже всяких пределов, о чем говорит активное участие их в подписании протестных документов против войны во Вьетнаме как в ФРГ, так и на международном уровне²⁰, и это обстоятельство, учитывая закрепившуюся за «Группой 47» славу постоянного оппонента при оценке многих способствовать установлению контактов с этой страной. Тем не менее, именно «Группа 47» получила приглашение провести свою очередную встречу в элитном Принстонском университете. Здесь, конечно, следует отдать должное Виктору Ланге (Lange, Victor 1908–1996), руководителю немецкого отделения Принстонского университета, который, побывав на встрече «Группы 47» в сентябре 1964 г. в Швеции, загорелся желанием пригласить это литературное объединение в Принстон, и сделал очень много для того, чтобы эта поездка состоялась. В какой-то мере им двигало стремление продолжить «традиции гостеприимства Принстонского университета, проявившиеся в 1933 году по отношению к немецким эмигрантам, среди которых были Эйнштейн, Гёдель, Панофски, Эрих фон Калер, Брех и Томас Манн»²¹.

Нельзя сказать, что современная американская литература была чем-то неизвестным в ФРГ, однако интерес к ней был достаточно сдержанный, и только благодаря попыткам отдельных представителей литературного мира ФРГ, совершавшим редкие наезды в США, этот интерес стал обретать несколько скандальный характер. Вальтер Хёллерер (Höllerer, Walter 1922–2003), издатель немецкого журнала новой литературы *Akzente*, побывав в 1958–1959 гг. с лекциями в Гарвардском университете в Массачусетсе и в Чикагском университете и ознакомившись с новейшими течениями в литературе США, опубликовал в 1959 г. в своем журнале обширную статью «Молодая американская литература» (“Junge amerikanische Literatur”), в которой представил немецкой публике новое литературное поколение Америки в лице наиболее ярких его представителей – Аллена Гинзберга и Грегори Корсо: «Из закоулков слов и вершин слов дует ветер из полей, которые академической поэзии остаются невидимыми»²². Более того, совместно с Г. Корсо В. Хёллерер издает в 1961 г. толстый, большого формата том

---

²⁰ “Erklärung über den Krieg in Vietnam.” *Die Gruppe 47*, hrsg. v. R. Lettau. Berlin, Neuwied: Luchterhand Verlag, 1967: 459–461.

²¹ Lange, V. “Princeton und die Folgen.” Richter, T. *Die Gruppe 47 in Bildern und Texten*. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 1997: 133.

²² W.H. (Walter Höllerer). “Junge amerikanische Literatur.” *Akzente* 6:1 (1959): 34.

«Молодая американская лирика» (*Junge Amerikanische Lyrik*), где, наряду с Гинзбергом и Корсо, были представлены Джек Керуак, Уильям С. Берроуз, Р. Крили, Л. Ферлингетти, Ф. О'Хара, Ч. Олсон. Позднее эти имена станут культовыми для молодой немецкой литературы, но они уже и сейчас постепенно начинают приобретать известность; в творчестве писателей нового поколения и Г.В. Рихтер столкнется с их воздействием на некоторых авторов, которых он пригласил в Принстон.

Пока Г.В. Рихтер не осознал еще грядущих опасностей, тем более что повседневная литературная жизнь не дает ему расслабляться. Последние годы деятельности «Группы 47» представляют собой череду всевозможных испытаний, каждое из которых ставило под вопрос дальнейшее ее существование. Непрерывные атаки всякой «литературной нечисти» времен нацистского прошлого и современных радетелей чистого искусства, вроде К. Дешнера²³, Ф. Тисса²⁴ и им подобных, вкупе с разладом внутри самой «Группы 47», выразившимся в игнорировании значительной частью «старой гвардии» и авторов второго университетского поколения «Группы 47» участия в ее встречах, заставили Г.В. Рихтера, бессменного руководителя «Группы 47»,

²³ Это была не профессиональная критика, а лай из подворотни в соответствующих словесных выражениях. Дешнер Карлхайнц (Deschner, Karlheinz 1924–2014), будучи писателем с публицистическими наклонностями, подверг в своей книге «Таланты – писатели – дилетанты» (1964) огульной критике авторов «Группы 47», заявив: «У нас нет ни великого эпического писателя, ни великого лирика, ни великого драматурга. Но зато у нас существует громаднейшая пропагандистская машина – это «Группа 47». Она внушает всем то, чего нет на самом деле». Далее следует канонада отборных оценок, которые больше похожи на ругательства, чем на критический анализ, весь словарный запас критика определяется в основном лексикой улицы, и поэтому авторы «Группы 47» для него «поносные засранцы», Г. Бёлль – «средненький писатель», чья проза является собой «неудобоваримый кич», У. Йонзон – «бумагомаратель», больше похожий на кретина, чем на гения», лирика и проза И. Бахман – «безнадёжная халтура и напыщенная галиматья», а поэзия Г.М. Энценсбергера представляется критику «болтовней шеголя, блатным жаргоном с еврейским акцентом», одним словом, «у него во рту каша» [Deschner, K. *Talente – Dichter – Dilettanten*. Wiesbaden: Limes, 1964].

²⁴ Франк Тисс (Thiess, Frank 1890–1971), автор исторических романов с националистским уклоном, за что и находился в большом фаворе у нацистов, воспринимает «Группу 47» как «политизированное литературное движение, которое всегда было антинациональным, радикально пацифистским, отвергающим традиции и выступающим за мирное сосуществование с восточным блоком», отчего «даже заметные таланты вынуждены пасти своих Пегасов среди ужасной скуки и порнографических экспериментов» (Thiess, F. “Der Dirigismus Der Gruppe 47.” *Deutscher Anzeiger* (München) (25.12.1964).

заполнить образовавшийся вакуум большим количеством молодежи в значительной мере далекой от эстетических принципов этого литературного объединения, ибо многие из них уже вкусили свободу новых веяний, которые после Принстона станут определяющими для их литературных поисков.

Ситуация усугубилась достаточно скандальной статьей Р.В. Леонхарда²⁵, шефа литературного отдела еженедельника *Die Zeit*, считавшегося по праву «домашним органом» «Группы 47», опубликованной в январе 1965 г. в литературном приложении к *The New York Times* и возвещавшей о скором конце этого литературного объединения:

«Группа 47» является немецким литературным движением, которое, возможно, станет интересным для историков, как, скажем, движение «Бури и натиска». Всемирный интерес возникает тогда, когда начинает казаться, что какое-то литературное движение увядает в собственной стране. У каждого литературного движения есть свой срок. У этого – 17 лет. А сейчас создается впечатление, что мы на пороге некоего нового немецкого классицизма²⁶.

Подобные мысли могли возникнуть у Леонхарда под впечатлением демонстративного отсутствия на встрече в Швеции в 1964 г. известных авторов первого поколения. Не исключено также, что подчеркивание критиком конечности существования «Группы 47» является его маленькой мстью Рихтеру, с которым он находился в натянутых отношениях из-за провокационной статьи М. Вальзера²⁷ о социализации «Группы 47», которая появилась в *Die Zeit* не без помощи Леонхарда. В этой связи даже стоял вопрос о полном разрыве с ним, и только благодаря увещаниям Хайнца фон Крамера²⁸ Рихтер пригласил его из тактических соображений на встречу в Швецию, да и то, как обыкновенного гостя, а не как корреспондента *Die Zeit*.²⁹

---

²⁵ Леонхард Рудольф Вальтер (Leonhardt, Rudolf Walter 1921–2003) – немецкий журналист.

²⁶ Leonhardt, R.W. “German Literary Letter.” *The New York Times Book Review* (10.10.1965).

²⁷ Вальзер Мартин (Walser, Martin, род. 1927) – немецкий писатель, член «Группы 47».

²⁸ Крамер Хайнц фон (Cramer, Heinz von 1924–2009) – немецкий писатель, член «Группы 47».

²⁹ Richter, H.W. *Briefe*, hrsg.v. S. Cofalla. München, Wien: Carl Hanser Verlag,

Как бы то ни было, но статья Леонхарда в *The New York Times*, вкупе с упоминавшейся в ней книгой Дешнера, вызвала, как сообщал Райнхард Леттау³⁰ в своем возмущенном письме к Рихтеру, настоящий переполох среди американских германистов, к тому же не знавших о существовании Бельцнера³¹, и Дешнера, и поэтому находившихся в смятении насчет того «надо ли им срочно прочесть их книги» [Richter: 551]. Следует отдать должное Леонхарду: безотносительно преждевременных высказываний о конце «Группы 47», его статья была первой достаточно квалифицированной публикацией о ней, появившейся в самой представительной газете США. Это отметил даже Леттау, что не помешало ему потребовать от Рихтера покончить с «этим дерьмом», осмелившимся «назвать нас всех классиками – более тяжкого оскорбления трудно себе представить. Ты только представь себе – олимпиец Хайссенбюттель!³² Этому Леонхарду место в дурдоме!»³³. Более того, Леттау опубликовал в *The New York Times*, в разделе «письма читателей», гневный отклик на статью Леонхарда, назвав ее «ошибочной и совершенно прискорбной», обвинив его кроме всего прочего в неправильных сведениях о «Группе 47»³⁴. В ответном письме Леонхард, извинившись за неправильные сведения о «Группе 47», тем не менее, остался при своем мнении о приближающемся конце этого литературного объединения:

Есть и другие приметы упадка. Бесспорно, историк Райнхард Леттау согласится с моим главным тезисом о том, что «литературные движения ограничены во времени». Так должна ли «Группа 47» стать исключением? Должна ли она стать вечной? На все времена? Может быть, г-н Леттау ответит мне «пока нет»? Я рад, что у нас все еще есть “*esprit de corps*”. С другой стороны, я не доверяю “*esprit de corps*” как живой силе в литературе. Похоже, что для немецкой литературной

1997: 551. Далее ссылки на это изд. приводятся в тексте статьи с обозначением Richter.

³⁰ Леттау Райнхард (Lettau, Reinhardt 1929–1996) – немецко-американский писатель, член «Группы 47».

³¹ Бельцнер Эмиль (Belzner, Emil 1901–1979) – немецкий писатель.

³² Хайссенбюттель Хельмут (Heißenbüttel, Helmut 1921–1996) – немецкий писатель, член «Группы 47».

³³ *Die Gruppe 47*, hrsg.v. R. Lettau: 552.

³⁴ Lettau, R. “Letters to the Editor – Group 47.” *The New York Times Book Review* (7.02.1965).

сцены стало типичным воспринимать снисходительно любое замечание относительно «Группы 47» – либо как недостойную критику, либо как незаслуженную хвалу. Меня так долго обвиняли в неуместном восхвалении, что – ради разнообразия – я готов принять обвинение и в обратном³⁵.

Не исключено, что эта переписка послужила неким сигналом для руководства «Немецкого информационного центра» успеть пригласить «Группу 47» в США. В свою очередь, для Г.В. Рихтера это приглашение могло стать выходом из затянувшегося кризиса внутри самой «Группы 47». Судя по всему, Рихтеру надоели внутренние дразги в «Группе 47», и предстоящая в 1965 г. встреча «Группы 47» в Западном Берлине должна была стать некоей попыткой заложить основы новой группы, состоящей преимущественно из молодежи, стать своеобразным смотром будущих литературных новобранцев, с которыми можно было отправиться в США. В письме к Э. Фриду от 2 апреля 1965 г., т.е. задолго до предстоящей встречи «Группы 47» в Западном Берлине, Рихтер, сам еще толком не зная, когда она состоится, раскрывает свои планы на будущее:

Я хотел бы несколько потянуть время с тем, чтобы быть вынужденным больше не приглашать «некоторых», потому что я хотел бы в следующем году организовать новую группу, такую, которая была бы снова «дееспособной». С ней я хотел бы отправиться в Америку во второй половине апреля или во второй половине сентября. То, что мы эту поездку совершим, теперь уже решено. Рискованное предприятие! Почему рискованное? [Richter: 567]

Мысль о поездке «Группы 47» возникла у Рихтера еще в начале 1965 г., когда руководитель нью-йоркского «Гёте-института» Петер Штадельмайер по инициативе Джозефа Томаса, шефа «Немецкого информационного центра», предложил провести встречу группы в США под эгидой Принстонского университета. Памятуя волну критики, обрушившуюся в ФРГ на «Группу 47» по поводу ее поездки в Швецию, Рихтер отнесся к этому предложению настороженно. В ответном письме Штадельмайеру он высказал свои опасения:

---

³⁵ Leonhardt, R. W. "A Reply." *The New York Times Book Review* (7.02.1965).

Нам придется переправить через океан от 80 до 100 человек. Кроме этого, поездка вызовет большое возбуждение. Уже наша прогулка в Швецию воспринималась почти как государственный акт. Я не знаю, будут ли согласны с этим все мои друзья. Теперь мне придется самому все решать, но я хотел бы взять с собой в Америку «знаменитостей» «Группы 47»... Так что мне придется порасспрашивать. Грасс и Йенс полностью за это. И конечно, вся молодежь – Ключе, Леттау. Ну, посмотрим... В принципе – я за [Richter: 567].

Последующие месяцы прошли в согласовании процедуры встречи, в ходе которых Рихтер оговорил свое право приглашать как немецких, так и американских авторов, предоставив всю организационную работу американской стороне. В письме Виктору Ланге, руководителю немецкого отделения Принстонского университета от 22 марта 1966 г., Рихтер, оговаривая это свое право, замечает:

Вообще-то «Группы 47» нет, ни в юридическом, ни в организационном смысле. Она и не должна быть в этом смысле, во всяком случае, я этого не хочу. Название «Группа 47», я считаю, вводит в заблуждение, есть только круг людей, состоящий из приглашенных мною с одной лишь целью – прочитать неопубликованные рукописи и подвергнуть их критике. Все остальное суть сопутствующие и второстепенные явления.³⁶

Особый упор Рихтер делает на то, чтобы эта поездка ни в коем случае не была связана с государственными организациями. В письме к В. Ланге от 28 мая 1965 г. Рихтер, узнав, что организацией этой поездки занимаются официальные лица в ФРГ и США, особо подчеркивает, что он «не собирается везти “Группу 47” в Америку»: «Мы ведь не являемся неким Большим театром, который можно отправить на гастроли в Федеративную республику [...] Я могу принять приглашение приехать в Америку только в том случае, если это приглашение последует от “частной” американской стороны, то есть от Вас, от имени Принстонского университета, и если финансирование будет произведено американской стороной. Немецкие учреждения не должны вмешиваться в это дело, иначе эта поездка получит офици-

---

³⁶ Цит. по: Cofalla, S. *“Der soziale Sinn” Hans Werner Richters: zur Korrespondenz des Leiters der Gruppe 47*. Berlin: Weidler Buchverlag, 1997: 55.

ально-политическую окраску, чего я не могу позволить, если не хочу подвергнуть риску независимость “Группы 47”» [Richter: 567]. Глава издательства “Suhrkamp” Зигфрид Унзельд объяснил В. Ланге сложность сложившейся ситуации:

Ганс Вернер Рихтер не сможет сподвигнуть своих друзей отправиться в поездку, если не сумеет подтвердить, что немецкие и американские правительственные деньги не имеются в виду [...] То есть, если непосредственно плата пойдет не от государственного департамента, а от университетских фондов (пусть даже они косвенно исходят от Вашингтона), то можно будет говорить все же об университетских, а не о правительственных деньгах [Richter: 567].

В. Ланге удалось убедить Шепарда Стоуна, который с 1945 г. был офицером по вопросам культуры в первые годы в американской зоне оккупации Германии, а в данный момент исполнял должность референта Фонда Форда, выделить 50 тысяч долларов на то, чтобы немецкие писатели смогли ознакомиться с американской действительностью [Richter: 568].

Финансовая щепетильность Рихтера, как и нежелание вмешательства государства в организационные вопросы встреч «Группы 47», вполне понятны, ибо опыт встречи в Швеции показал, что любые попытки изменения обусловленности существования этого литературного объединения как «частной инициативы» воспринимаются, особенно «знаменитостями» группы, в штыки, и это обстоятельство может привести к их отказу принять участие в американском «рискованном предприятии», – что и подтвердилось. Именно со «знаменитостями» у Рихтера возникли большие трудности. «Старая гвардия» – А. Андерш, Г. Бёльль, В. Хильдесхаймер, М. Вальзер, Х. Фридрих, И. Бахман, Г. Айх – в силу различных причин отнеслась к самой идее провести встречу «Группы 47» в США отрицательно. Первые четверо, наиболее твердые оппозиционеры, действуя по отработанной тактике, сначала созвонились друг с другом, потом каждый из них, исключая Андерша, списался с Рихтером и изложил свои доводы против поездки в США, в основе которых лежали политические соображения. Хильдесхаймера больше всего беспокоило то обстоятельство, что поездка «Группы 47» в Принстон «будет оценена как некая проамериканская демонстрация», что она «обретет сильный официальный характер, мы будем, хотим мы этого или нет, восприняты общественным мнени-

нием как представители духовной Германии», «и вообще, кто это мероприятие кредитует?» [Richter: 567]. Примерно в таком же духе, но более эмоционально,отреагировал Бёлль в своем письме Рихтеру на его намерение провести встречу «Группы 47» в США, которую, как, впрочем, и предыдущие встречи в Италии и Швеции, он назвал «становлением группы неким видом экспортного товара» [Richter: 595], правда, забывая при этом о своих многочисленных зарубежных поездках по линии «Гёте-института», которые также можно считать своеобразным «экспортным товаром», приносящим ощутимую пользу как государству, так и самому Бёллю. Этот настрой подкрепляется еще и несколько пренебрежительным отношением к новым авторам «Группы 47»: «... кто туда едет? В некотором смысле мне представляется бессмысленным ехать в Принстон, чтобы там послушать новейшие истории Хербургера, или Бринкмана, или Шнайдера». Однако больше всего Бёлля беспокоит, что

...из нашего визита туда, и это неизбежно, Федеративная республика выбьет для себя политический капитал, и от одного этого у меня мурашки пробегают по телу! От того, если мы там читаем наши «ах, такие благонадежные критические» тексты, этим мы как раз и создадим этой стране в США славу свободной страны. Страшно представить! Единственное, что может любой писатель здесь сделать – внешнеполитический кредит Федеративной республики в США (в единственной стране, где она этим кредитом пользуется!) ослаблять, ослаблять! И как раз оттого, что мы там читаем критические тексты, мы ведь и усиливаем эту славу, которой она не заслужила! [...] Время оппозиций прошло, пришло время сопротивления. Завязывайте вы наконец и навсегда с этой самой дрянной из всех партий – с СПД [Richter: 595–596].

Неизвестно, как отнесся Рихтер к этому взрыву эмоций Бёлля, но памятуя последние слова Бёлля, он, вероятно, был даже рад тому, что этот обладатель «бюргерско-анархического характера» отказался от поездки в США, ибо и без него среди участников встречи в Принстоне было достаточно горячих голов, готовых взорвать это мероприятие. По крайней мере, настойчивое подчеркивание в письме П. Вайса³⁷ к Г.В. Рихтеру от 28 ноября 1965 г. необходимости увязать

³⁷ Вайс Петер (Weiß, Peter 1916–1982) – немецкий писатель, член «Группы 47».

встречу в Принстоне с войной США во Вьетнаме [Richter: 579] могло вызвать у него настороженность ввиду возможных политических эксцессов на этой почве, что потом и подтвердилось именно в случае с П. Вайсом. Как бы то ни было, но закрепившаяся за «Группой 47» слава оппозиционного объединения вызывает в официальных кругах США определенное беспокойство, подогреваемое посольством ФРГ. П. Штадельмайер сообщает Г.В. Рихтеру в письме от 28 марта 1966 г.:

...американское правительство обуяно страхом, опасаясь, что «Группа 47» в Принстоне спровоцирует протест против войны во Вьетнаме, немецкое посольство боится еще больше и пытается отмежеваться уже сейчас от всего с тем, чтобы его нельзя было бы вовлечь в это дело, а фонд Форда наоборот считает, что немецких писателей надо хорошо принять, чтобы уберечь их от радикализма [Richter: 600].

В письме В. Ланге от 5 апреля 1966 г. Г.В. Рихтер, отмечая все опасения американских официальных властей, пишет:

Они неверны, поскольку а) я не хочу никаких официальных приемов и это всегда подчеркиваю, и б) никто не думает или не думал о том, чтобы написать и в Принстоне опубликовать резолюцию о Вьетнаме. Встреча «Группы 47» и приезд в Принстон являются событиями чисто частного свойства. Мы приезжаем к Вам, дорогой господин Ланге, а не в немецкое посольство или американское правительство, и приезжаем не по поручению немецкого правительства. Пожалуйста, помогите мне, чтобы подобного рода фальшивые сведения здесь не появлялись [Richter: 601].

В ответном письме от 10 апреля 1966 г. В. Ланге сообщает, что он успокоил немецкое посольство, что «о таких примитивных вещах, как корпоративные антивьетнамские высказывания, не может быть и речи» [Richter: 601]. Немецкому посольству в США удалось избежать организации официального приема в честь «Группы 47» благодаря известному немецкому издателю Хайнриху Мария Ледиг-Ровольту, который благоволил к «Группе 47» и устроил в Нью-Йорке 26 апреля 1966 г. невероятно пышный прием для участников встречи. На следующий день в помещении «Гёте-института» глава издательства “Suhrkamp” Зигфрид Унзельд представлял своих авторов, среди которых были

и члены «Группы 47», и это событие также завершилось большим приемом [Richter: 601]. Если успокоение немецких дипломатов осуществилось с помощью самих же немцев из круга друзей «Группы 47», то американские власти, судя по всему, удовлетворялись объяснениями В. Ланге, который, по его словам, «трижды беседовал с людьми в госдепартаменте, и каждый раз обнаруживал величайшую готовность и одобрение визита группы» [Richter: 601]. По прибытии в Нью-Йорк Г.В. Рихтер в письме к П. Штадельмайеру от 8 апреля 1966 г. сообщает о том, что все разговоры о предполагаемых акциях «Группы 47»

хотя и звучат очень наивно, иногда даже весело, так, словно в Америку приезжает нечистая сила, но, к сожалению, оказывают на меня неприятное воздействие. Мне приходится постоянно предотвращать появление подобных слухов в немецкой прессе и на телевидении, потому что эти публикации неприятным образом влияют на все, особенно на немецкую культурную политику за рубежом. Она всегда предстает в смешном виде ... А, в общем-то, все это полная чепуха. «Группа 47» совсем не может протестовать против войны во Вьетнаме. Она в этом деле, как и во всех политических делах, совершенно лишена единства. От Кайзера до Петера Вайса – долгий путь [Richter: 601].

Складывается такое впечатление, что основными поставщиками неприятных слухов и различных страшилок была именно немецкая сторона, которая отнюдь не считала «Группу 47» проводником немецкой культуры за рубежом и делала все, чтобы любым способом опорочить ее имя, представить это собрание писателей возмутителем спокойствия и порядочности в обществе.

С укреплением статуса «Группы 47» как творческого, а не политического десанта на американской земле, организационные трудности предстоящей встречи в Принстоне не закончились. К финансовым и политическим проблемам прибавилась проблема, связанная с получением виз, т.к. власти США принципиально не выдавали визы бывшим коммунистам и гражданам социалистических стран, в связи с чем писателям ГДР путь в Принстон был заказан; такие же трудности с получением виз ожидали и переселенцев из социалистических стран, в числе которых находились Г. Майер, М. Райх-Раницкий, Ф. Раддац; наконец, бывшие члены КПГ А. Андерш, В. Манцен и Г.В. Рихтер также подпадали под эти правила. Рихтер Ланге писал:

Весело было бы, если бы я не получил визу. Тогда в Принстон при-была бы «Группа 47» без головы. Ну и на здоровье! Тогда возникает опасность того, что наш миленький картонный домик может рухнуть, потому что, если два-три человека не смогут получить визы по этой причине, многие, я уверен, тоже не поедут... Естественно, никто из затронутых сегодня не является коммунистом. Одни слишком стары, чтобы стать таковыми, другие – слишком молоды, чтобы когда-либо стать ими [Richter: 600].

Стараниями Ланге этот вопрос властями США был решен положительно, чего не скажешь о властях ГДР, которые отказались, чего и следовало ожидать, дать разрешение на поездку в страну архикапитализма В. Бирману, Ф.Р. Фризу, Ф. Фюману, С. Хермлину, П. Хухелю, Г. Кунерту, К. Микелю и Р. Шнайдеру. Основанием для отказа стало прежнее требование властей ГДР к Рихтеру приглашать не отдельных писателей, а делать это «окольными путями, через Союз писателей, а еще лучше – через правительство», которые сами решат, как им сформировать официальную делегацию по своему вкусу» [Richter: 594], что, понятно, придавало «Группе 47», свободному объединению писателей, статус официальной организации со всеми вытекающими отсюда последствиями, на что Рихтер никогда бы не согласился.

Столь жесткая позиция властей ГДР вызвана усилением контроля партии в области культуры. После XI пленума ЦК СЕПГ в декабре 1965 г., где острой критике подверглось творчество Кунерта, Бирмана, Билера, Хавемана, начались преследования наиболее видных творческих работников, высказывавших идеи, идущие вразрез с политикой партии. Начало этому положила известная дискуссия о поэзии на страницах журнала «Форум» 1965–1966 гг. Последовавший выход книг Кунерта и Микеля в ФРГ и особенно статья Хавемана «Партия – не призрак. В защиту новой КП» (“Die Partei ist kein Gespenst. Plädoyer für eine neue KP”), опубликованная в журнале *Der Spiegel* в конце 1965 г., только усилили акции против инакомыслящих. По просьбе Хавемана Раддац составил неопубликованное письмо на имя председателя государственного совета ГДР Вальтера Ульбрихта, где осуждались гонения на деятелей культуры со стороны партии. Подписанное Айхер-Шолл, Андресом, Бахман, Бёллем, фон Крамером, Энценсбергером, Фридом, Голльвитцером, Грассом, Хоххутом, Йенсом, Юнгком, Кэстнером, Нойманом, Рихтером, Шаллюком, Унзельдом, Вагенбахом, Вальзером, Вайскопфом, Вайсом и Вайраухом, т.е. подавляющим числом авторов

«Группы 47»), письмо, с указанием обратного адреса М. Вальзера, было отправлено 7 января 1966 г. В ответном письме руководитель отдела культуры при ЦК СЕПГ Зигфрид Вагнер сообщал, что «на фоне войны во Вьетнаме коммунистические силы должны объединиться, построение социализма не должно подвергаться опасности нигилистами, которые являются инструментом пропаганды западногерманского империализма»³⁸.

Более откровенное разъяснение позиции СЕПГ по вопросам культуры и, в частности, о контактах писателей ГДР с «Группой 47», нашло свое отражение в огромной статье Александра Абуша, заместителя председателя совета министров ГДР по вопросам культуры и воспитания, – «Смысл нашей дискуссии по вопросам культуры и литературы», опубликованной в центральном органе СЕПГ *Neues Deutschland* 24 марта 1966 г. Абуш утверждает:

...это чистый вздор говорить о «суровой волне» в нашей культурной политике. Напротив, в ходе критических дискуссий на XI пленуме ЦК СЕПГ выяснилось, что идеологически вредные выступления некоторых лиц против нашей партии и нашего правительства в ряде законченных или находящихся в стадии подготовки фильмах, а также беспечность в художественной деятельности по отношению к влиянию капиталистической варварской культуры на некоторую часть нашей молодежи стали заметно проявляться³⁹.

Абуш связывает это с «психологической войной, ведущейся западногерманскими империалистами против нашей республики [...], в ходе которой используется целый набор прямых или косвенных методов для того, чтобы “идеологически ослабить ГДР”».

К этому соединению различных методов принадлежат и известные безобидные «случаи». Стоит только чему-то произойти с одним или другим нашим писателем, как западногерманская пресса объявляет его «оппозиционным», и вот он уже получает из Западной Германии от «Группы 47» и других якобы независимых групп приглашение за при-

---

³⁸ Schwab-Felisch, H. “Verweigerter Gäste.” *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (25.3.1966).

³⁹ Abusch, A. “Der Sinn unserer Diskussionen über Fragen der Kunst und Literatur.” *Neues Deutschland* (24.3.1966). Далее статья А. Абуша цитируется по этому же источнику.

глашением. Отдельные представители литературы нашей республики, при наличии клеветы и бойкота по отношению ко многим ее авторам социалистически-реалистической направленности, превращаются в приверженцев западногерманских групп с тем, чтобы обосновать их претензии на исключительное представительство немецкой литературы и устанавливают тем самым литературную доктрину Халльштайна⁴⁰. [...] Слишком примитивен смысл этих попыток пропагандировать «нонконформизм» наших писателей против единства духа и власти, которое осуществляет наше социалистическое общество.

«“Нонконформистам” в Западной Германии, – советует Абуш, – задуматься о том, что уступки антикоммунизму полезны только командирам холодной войны». При этом он заверяет, что хотя

социалистический реализм является главным направлением нашей литературы и искусства, однако писатели и художники, которые стоят на буржуазно-гуманистических или христианско-гуманистических позициях, обладают у нас действительно свободной возможностью творчества. Критерием этого является их верность как граждан ГДР осознанию того, что она является немецким государством мира и гуманизма.

И тут же Абуш предупреждает, что правительство не будет терпеть «буржуазно-реакционной политики или мелкобуржуазно-абстрактных проявлений якобы настоящего социализма по отношению к нашему реальному социализму, и тем самым противостоять принципиальным желаниям изменить «политико-духовную линию».

Г.В. Рихтер в интервью берлинской *Der Tagesspiegel* заявил, что Абуш ищет причины для того, чтобы сделать невозможным для писателей из ГДР и Восточного Берлина участие во встрече «Группы 47» в Принстоне. Группа никогда не претендовала на единоличное представительство немецкой литературы и приглашала писателей, руководствуясь только литературными соображениями. Г.В. Рихтер назвал имена писателей из ГДР, которых он пригласил на встречу

---

⁴⁰ «Доктрина Хальштайна», названная по имени Вальтера Хальштайна (Hallstein, Walter 1901–1982), министр иностранных дел ФРГ, кстати, выпускник Форда Гетти (США), согласно которой ФРГ порывает дипломатические отношения с любым государством (кроме СССР), признавшим ГДР.

в США: Петера Хухеля, Манфреда Билера, Стефана Хермлина, Гюнтера Кунерта, Карла Микеля, Рольфа Шнайдера, Фрица Рудольфа Фриза и Вольфа Бирмана, т.е. не только исключительно авторов, которых западногерманская пресса или СЕПГ называют «оппозиционными»⁴¹. За исключением М. Билера, эмигрировавшего к этому времени в Чехословакию, остальные авторы, каждый в разной степени и с разной активностью, находились все-таки в оппозиции к политике СЕПГ, и партийных функционеров можно было понять, ибо они лучше ощущали степень оппозиционного настроения названных авторов у себя дома, видя в каждой строке, в каждом слове их произведений скрытые намеки протестного свойства.

В продолжение дискуссии по поводу отказа властей ГДР выдать разрешение на выезд «оппозиционных» писателей в США на встречу «Группы 47» в Принстоне вскоре после выхода статьи А. Абуша в *Neues Deutschland* появляется анонимная статья, в которой критикуется «литературный снобизм», проявившийся на последней встрече «Группы 47» в Западном Берлине, и осуждается предстоящая поездка литераторов в США. Статья завершается с натужной иронией: «Инициаторы встречи в Принстоне вряд ли всерьез полагают, что хоть один из приглашенных ими писателей ГДР собирается поехать в США»⁴². Однако письма некоторых из приглашенных писателей ГДР свидетельствуют об обратном. В. Бирман в своем письме Г.В. Рихтеру от 17 декабря 1966 г. хотя и говорит, что «в расписании XI пленума СЕПГ для меня, вероятно, нет никакого поезда в США» [Richter: 594], тем не менее, искренне благодарит его за приглашение принять участие во встрече «Группы 47» в Принстоне. Более того, С. Хермлин в своем письме Г.В. Рихтеру от 26 февраля 1966 г. благодарит его за приглашение, просит включить в список приглашенных Кристу Вольф и Германа Канта и вообще считает, что «“Группа 47” должна расширить круг писателей ГДР, к которым она проявляет интерес. Это отвечает реальности и пошло бы всем на пользу» [Richter: 598].

У властей ГДР на этот счет были свои резоны, и для того, чтобы у Г.В. Рихтера не было никаких сомнений по этому поводу, уже после встречи «Группы 47» в Принстоне они запретили ему въезд в ГДР, несмотря на то, что речь шла о приватной поездке писателя к своим

---

⁴¹ “Literarische Hallstein-Doktrin. SED attackiert ‘Gruppe 47’.” *Tagesspiegel* (Berlin-West) (23.3.1966).

⁴² H.U. “Reise wohin?” *Neues Deutschland* (16.4.1966).

родственникам, ранее не вызывавшей каких-либо сложностей. По сути дела, это решение было своеобразной мезью властей ГДР за отказ Рихтера строить свои отношения с писателями Восточной Германии на официальной основе, о чем и было заявлено ими в обосновании своего отказа:

Въезд западногерманских писателей в ГДР в настоящее время нежелателен, исключение касается только тех писателей, которые поддерживают особо тесные контакты с Союзом писателей ГДР⁴³.

Сообщение об отказе властей ГДР выдать разрешение своим писателям на встречу «Группы 47» в США появилось во всех западногерманских газетах, и характер этих публикаций носил, конечно, политическую окраску в свете противостояния двух государств. Однако и здесь не обошлось без попыток как-то уязвить саму «Группу 47». Ганноверская *Deutsche Wochen-Zeitung* не без сарказма комментировала тот факт, что, несмотря на отрицательное решение властей ГДР, «Группа 47» отправилась в США: «В конце концов, 80 000 долларов не пустяк. Рихтер с его нюхом, одержимый страстью к паблисити, предпочел сделать ставку на этот огромный балаган, а не на отказ от поездки»⁴⁴.

Итог этой неприглядной истории с писателями ГДР подвел уже в Принстоне М. Райх-Раницкий. Выступая на конференции, обсуждавшей проблемы взаимоотношений писателя и общества, критик заметил: «На Западе писатели озабочены теперь больше политикой. На Востоке политики вынуждены все больше заботиться о писателях»⁴⁵.

Странным образом требование «институционализации» «Группы 47», т.е. придания ей функции официальной организации, вдруг прозвучало и в ФРГ в многочисленных статьях Клауса Мампелля. Правда, здесь налицо клинический случай литературного свойства, на который можно было бы и не обращать внимания, если бы не разительное сходство мнений буржуазного литератора, пускай и мелкого пошиба, и официальных властей ГДР. Мампелль никак не может про-

---

⁴³ M.R.-R. (Marcel Reich-Ranicki). "Westdeutsche Schriftsteller unerwünscht." *Die Zeit* (2.9.1965).

⁴⁴ Ernst, J. "Rowohlt wird unsicher." *Deutsche Wochen-Zeitung* (Hannover) (3.6.1966).

⁴⁵ Ferber, Chr. "Literatur in Wohlstand." *Die Welt* (3.5.1966).

стить собственный провал в «Группе 47» в 50-х гг. и никак не может, вернее, не хочет понять, что демократия в его представлении абсолютно неприменима к сути и принципам этого свободного объединения писателей. В своей статье «Кому можно поехать в Америку?», опубликованной под разными заголовками в семи региональных газетах в апреле 1966 г., Мампелль сокрушается по поводу отсутствия в работе «Группы 47», «как это принято в каждой партии, в каждом ферейне, в каждой организации свободного мира демократических обычаев. И не надо нам приводить аргумент в пользу того, что “Группа 47” совсем не организация, а некое *party*, на которое Ганс Вернер Рихтер ежегодно или два раза в год приглашает гостей по своему собственному выбору. Довод совершенно неприемлемый. Ганс Вернер Рихтер ведь не оплачивает *party*, на которое он приглашает гостей». По мнению Мампелля, «Группе 47» «необходимо иметь свою конституцию, как это принято в каждой демократической организации для того, чтобы группа могла выбирать себе руководителя»⁴⁶.

Конечным итогом всех переговоров Г.В. Рихтера с американскими устроителями встречи «Группы 47» в Принстоне стало определение количества участвующих в ней с немецкой стороны – 80 человек, куда входили писатели, их жены и критики, пребывание которых в США (гостиница, питание, транспортные расходы, включая доставку участников встречи самолетами и пароходами в США и в ФРГ, недельная поездка по стране по любому маршруту и 400 долларов на личные расходы) оплачивала американская сторона, для чего были привлечены средства из Фонда Форда (50 000 долларов), Принстонского университета (15 000 долларов) и некоторых частных лиц, что, в общем итоге, составило около 80 000 долларов – сумма невероятная для проведения встречи с литераторами, которые с 21 по 24 сентября 1966 г. собирались читать и критиковать произведения авторов (числом тридцать один), выбранных исключительно Г.В. Рихтером.

Формально Фонд Форда является неправительственной благотворительной организацией, финансирующей программы в поддержку демократии, международного сотрудничества, хотя на деле выступает в качестве проводника идей американского правительства. Одной из таких программ Фонда Форда была поддержка культурной жизни в Западном Берлине и, в частности, «Литературного коллоквиума» под

---

⁴⁶ Mampell, K. “Wer darf nach Amerika fahren?” *Weser-Kurier* (Bremen) (7.4.1966).

руководством В. Хёллерера и В. Хазенклевера, где готовилась своего рода литературная смена для «Группы 47». По крайней мере, значительная часть участников этого учреждения с успехом принимала участие во встречах «Группы 47», а П. Биксель, один из воспитанников коллоквиума, даже получил премию «Группы 47» в 1965 г., так что 340 000 долларов, выделенных Фондом Форда в 1963 г. для организации и проведения занятий с молодыми писателями, не пропали даром⁴⁷. Поэтому участие Фонда Форда в финансировании встречи «Группы 47» в Принстоне выглядело вполне объяснимым. Но именно это обстоятельство дало повод врагам «Группы 47» обвинить ее во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях, где особую роль играли коррупционная и политическая составляющие, последняя с учетом американской войны во Вьетнаме. В конце концов, инициатива исходила от американской стороны. В. Ланге, побывавший на предыдущих встречах «Группы 47», хотел показать американцам, как делается литература, в какой-то мере хотел расширить горизонты американской литературы.

Необычность всего мероприятия вписывалась в общую структуру бурной художественной жизни США, хотя американская пресса отнеслась к встрече «Группы 47» не то чтобы прохладно, но в той мере, в какой она сообщала о прочих культурных событиях в жизни Нью-Йорка. Специальное приложение к журналу *American-German Review*, посвященное «Группе 47», вводная статья Д.П. Бауке о «Группе 47» в *The New York Times Book Review* и статья Кристиана Майер-Амери в журнале *The Nation*, а также рецензии на постановки пьес Г. Грасса и П. Вайса в Нью-Йорке, проходившие безотносительно приезда немецких литераторов в США в переполненных залах, – вот и все отклики на встречу «Группы 47» в Принстоне, при том, что эти публикации были сугубо ознакомительного свойства и не содержали в себе каких-либо сведений о самой встрече и о проходивших на ней литературных баталиях.

В какой-то мере это связано было с необычной для американцев манерой закрытости проведения встречи «Группы 47». Фактически американские журналисты видели членов группы в лицо при прибытии и при отъезде. Сначала всех участников встречи разместили в довольно старом потрепанном отеле “Algonquin”. Выбран он был потому, что

---

⁴⁷ *Dichter und Richter: Die Gruppe 47 und die deutsche Nachkriegsliteratur*. Berlin: Akademie der Künste, 1988: 285.

75 лет тому назад Э. Хемингуэй заказал здесь виски, и с тех пор этот «ящик из плюша, из окон которого не видно ничего, кроме соседних стен», считается «литературным отелем»⁴⁸. Затем гостей повезли на автобусе в Принстон, расположенный в 70 километрах от Нью-Йорка, – там находится Принстонский университет, самый старый и самый дорогой мужской университет в США, являющийся кузницей американской политической элиты. На автобусной остановке членов «Группы 47» поджидали студенты с приветственными плакатами и орава журналистов и телевизионщиков. Встреча длилась недолго, потому что подъехали машины, исключительно БМВ, и гостей доставили в мотель “Holiday Inn”, на фронтоне которого красовалась светящаяся надпись «Добро пожаловать, Группа 47», которая, впрочем, ничего не говорила для проезжающих владельцев автомобилей, они вполне могли бы принять эту надпись за приветствие какому-нибудь съезду животноводов или местных охотников.

Принстон – маленький заштатный городишко с несколькими магазинами, двумя филиалами банков и небольшим мотелем – располагается на одной стороне шоссе, университет – на другой. Вероятно, поэтому он стал своеобразным убежищем в годы Второй мировой войны для Альберта Эйнштейна, Томаса Манна, Германа Броха, и это придавало в общем-то безликому городку определенную культурную значимость, а появление в нем большой группы немецких писателей как бы продолжало возникшие в давние годы литературные связи.

Утром за участниками встречи приехали автобусы и доставили их непосредственно на территорию университетского городка, въезд куда автомобилям запрещен. По сути дела, авторы «Группы 47» изначально были изолированы от всякого общения с посторонними лицами, кроме встречающих их представителей университета, и эта обособленность проявилась и в самом ходе встречи, где кроме самих участников и приглашенных гостей не было посторонних. Дверь в Nassau-Hall была заперта, а для большей верности хозяева выставили перед ней двух дюжих молодцов. Как заметил один из американских профессоров, «на заседание “Группы 47” также трудно попасть, как и в рай»⁴⁹. Однако, как напишет позже В. Ланге,

⁴⁸ Kuby, E. “Ach ja, da liest da einer.” *Der Spiegel* 19 (1966): 157.

⁴⁹ Raddatz, F. “Zur Bilanz von Princeton.” *Frankfurter Hefte* 7 (1966): 496.

затруднением для проведения и характера встречи было то, что, несмотря на пожелание и строгое указание Ганса Вернера Рихтера, со всей страны прибыло неприглашенного люда, состоящего из американских и канадских германистов, которые, вопреки всем правилам, хотели присутствовать на чтениях. По отношению к возможному участию на выставке элиты немецких писателей был бессилён самый строгий контроль. Можно было догадаться, что настрой и процедура прежних встреч потеряли свою непринужденность⁵⁰.

Такая отгороженность литературной части встречи «Группы 47» от внешнего мира, в общем-то, отвечала и традициям проведения чтений в этом собрании. Однако в данном случае эта отгороженность вызвана была боязнью Рихтера каких-либо деструктивных выступлений, связанных с ведением американцами войны во Вьетнаме, ибо некоторые участники встречи, особенно питомцы В. Хёллера из «Литературного коллоквиума» вкупе с П. Вайсом, собирались выступить с зажигательными антиамериканскими речами, памятуя, как потом выяснилось ошибочно, что Принстонский университет является чуть ли не центром сопротивления против вьетнамской войны.⁵¹ Именно поэтому программа встречи «Группы 47» в Принстоне состояла из двух частей. Первые три дня проходили чтения в присутствии избранной публики в довольно небольшом зале, оформленном в стиле строгой неоклассической архитектуры, что придавало встрече «Группы 47» несвойственный ее сути академизм; два последующих дня отводились для свободной дискуссии на тему «Писатель в обществе благоденствия», состоявшей из четырех подгрупп, и зал был наполнен студентами и преподавателями немецкого языка едва ли не со всей страны. Вход для них был свободный, а вот американские журналисты вынуждены были платить 25 долларов только для того, чтобы послушать доклады на общие темы⁵². Вероятно, поэтому в американских газетах практически не было отчетов о встрече «Группы 47», если не считать скандальных

---

⁵⁰ Lange, V. "Princeton und die Folgen.": 133.

⁵¹ Слова Г.В. Рихтера о том, что Принстонский университет является якобы центром протеста против войны во Вьетнаме, дезавуировал ректор этого университета Роберт Коэн, заявив, что «Принстонский университет, конечно, не протестует против американской политики во Вьетнаме [...] Мы не знаем причин, на которых основываются утверждения господина Рихтера; такой шаг был бы для нашего вуза противозаконным [...] и неприемлемым» [Richter: 601].

⁵² Kaiser, J. "Startschuß im Amerika." *Süddeutsche Zeitung* (25.4.1966).

событий, связанных с протестным интервью П. Вайса и выступлением П. Хандке, ставших, наряду с Г. Грассом, героями американских средств массовой информации.

Встреча «Группы 47» в Принстоне происходила с соблюдением всех правил проведения, под непосредственным руководством Г.В. Рихтера. С утра до позднего вечера, с перерывом на обед, продолжалось обсуждение представленных текстов привычной командой критиков, и это действо нарушалось лишь мелкими спорами или обменом мнений между ними. Все это производило такое рутинное впечатление, что одна неназванная, известная в политическом мире интеллигентная немецкая дама, с удивлением заметила: «И этой безобидной кучки людей, занимающихся уверенно своими литературными проблемами, боятся немецкие политики?»⁵³. Этой «неназванной дамой» была давняя знакомая отцов-основателей «Группы 47» по работе в журнале *Der Ruf* Хильдегард Брюхер, которая предпочла литературной политической карьере⁵⁴.

Первым «электрический стул» занял Вальтер Йенс, прочитавший несколько сцен из только что написанной для телевидения драмы «Красная Роза» (“Die Rote Rosa”, 1965). И здесь разыгралось некое подобие концерта критиков, столь удивившего шведов во время встречи «Группы 47» в Сигтуне. С таким многосторонним и профессиональным подходом к интерпретации текста *ad hoc*, без какой-либо предварительной подготовки, американцы еще не встречались, и это произвело на них сильное впечатление⁵⁵.

Однако в чем оно выражалось, осталось неизвестным, и мы можем судить об этом только по отзывам немецких журналистов, ибо представители американской прессы отсутствовали на этом, как и на остальных заседаниях «Группы 47». В этой связи нет смысла приводить сведения о довольно жестких дискуссиях, связанных с приходом в «Группу 47» молодых авторов, которые вскоре станут ниспровергателями всех и всего в годину леворадикальной революции 1966–1967 годов, хотя выступления некоторых из них достойны упоминания, ибо они связаны с актуальными проблемами американской действительности.

---

⁵³ Zimmer, D. “Gruppe in Princeton.” *Die Zeit* (6.6.1966).

⁵⁴ Richter, H.W. “Wie entstand und was war die Gruppe 47.” *Hans Werner Richter und die Gruppe 47*, hrsg. v. H.A. Neunzig. München: Nymphenburger Verlag, 1979: 164.

⁵⁵ Zimmer, D. “Gruppe in Princeton.”

Райнхард Леттау, американско-немецкий писатель, прочитал сатирический рассказ «Враг» (“Der Feind”), который вызвал бурную дискуссию довольно опасного свойства. Собственно, это не рассказ, а собрание отдельных сцен, ситуаций, каждая из которых исполнена в антимилитаристском духе, но дух этот представлен не в реальных формах какой-либо армии, а армии вообще как таковой. Здесь нет имен персонажей, их место занимают обозначения воинских званий: «фельдмаршал», «генерал», «полковник», «адъютант», «солдат». Соответственно нет в этом рассказе и сюжета, его заменяют небольшие сценки, создающие атмосферу существования некоего штаба, некоей войны, некоего врага. Гротесковые ситуации должны, по мнению автора, ярко представить бесперспективность войны как способа выяснения отношений между государствами, между людьми, и, не в последнюю очередь, здесь можно даже усмотреть скрытые отсылки к войне во Вьетнаме, хотя, как ядовито заметил М. Райх-Раницкий, здесь «может идти речь и об армии Цезаря в Галлии или о вермахте в Югославии [в годы II мировой войны. – Е.З.]; а глупые военачальники Леттау больше напоминают императора Франца Иосифа или Гинденбурга, чем генерала Уэстморленда» [командующий американскими войсками во Вьетнаме. – Е.З.]⁵⁶. Однако, по-настоящему эти ситуации в силу глупого поведения действующих в них фигур лишены политического заряда. Здесь происходит своеобразная игра словами из штабного лексикона, что позволяет Леттау низвести обиходный военный разговор до абсурда и только. Первые же строки рассказа «Враг» настраивают читателя на игровой характер повествования, и теперь важным становится не содержательная часть рассказа, а то, как обыгрываются в нем возникающие ситуации, до какой степени абсурдная линия доведет свое разрушение устоявшихся стереотипов штабного обсуждения военных действий:

За окном шел дождь. Генерал отошел от окна. «Вы победили?», – спросил он. «Вы, вероятно, не слышали врага». – «Одно время враг находился на дереве и изображал птиц», – ответил генерал. «Мы подошли к дереву и слышали, как сверху раздавались птичьи голоса. В листве четко раздавались птичьи голоса. Настоящие птицы при нашем приближении улетели бы».

---

⁵⁶ Reich-Ranicki, M. “Männchen in Uniform. Reinhard Lettau: ‘Feind.’” Reich-Ranicki, M. *Lauter Verrisse*. München: Piper Verlag, 1970: 123.

Далее выясняется, что врага все же обнаружили:

Этот враг совсем небольшого роста и бегаёт очень быстро... Лицо его покрыто прыщами. В бинокль я видел прыщи на его лице... Он очень маленького роста и быстро бегаёт, правда, в разные стороны...

«Выиграли вы битву? – спросил генерал. – Слышали ли вы выстрелы? Свист летящих пуль? Покрыто мое лицо следами пожара? Черты моего лица покрыты следами пороха? – «Естественно, – сказал полковник, – плохо дело, когда вся рота носится за одним единственным врагом»⁵⁷.

Для генерала вся эта беготня за одним невидимым врагом кажется чем-то выходящим за рамки привычного мировосприятия, построенного по формуле враг-битва-победа/поражение, отчего традиционное ведение войны сводится к абсурду, а понятие врага размывается до неузнаваемости.

В «Приложении к «Врагу» (“Paralipomena zum Feind”) Леттау представляет россыпь сатирических миниатюр, которые по большому счету кажутся невинными шутками из армейской жизни, годными разве что для какого-то кабаре, хотя авторский настрой имел более серьёзные намерения. В конечном итоге Леттау сводит все аспекты этого комического сражения к понятию врага, приходя к выводу, что с точки зрения милитариста любой человек, который не соответствует установившимся в его понимании принципам, является врагом, в чем, собственно, и заключается смысл этой абсурдной истории.

Именно в таком ключе воспринял В. Хёллерер рассказ Р. Леттау:

Вся композиция представлена развернуто, в этом также состоит искусство этой прозы. Кажется, что она отштампована из жести, все эти фигуры, армия выражена в этих жестяных фигурах, и только одна фигура представлена по-иному – это враг. Враг противостоит всем этим жестяным фигурам, и в него можно впиться зубами, следовательно, он является чем-то мягким, и кроме всего прочего он так изображен, что он сразу же делает переход от этих формальностей к главной теме Леттау⁵⁸.

⁵⁷ Lettau, R. “Der Feind.” Lettau, R. *Der Irrgarten. Geschichten und Gespräche*. Leipzig: Leipzig Reclam, 1980: 87–88.

⁵⁸ Цит. по: Böttiger, H. *Die Gruppe 47. Als die deutsche Literatur Geschichte schrieb*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2012: 387–388.

Некоторые критики толковали рассказ Леттау как выражение абсурдности любой стратегии и враждебности, однако, по мнению Г.М. Энценсбергера, этот рассказ по своей тональности выходит за пределы абсурдности:

Я хотел бы возразить Кайзеру. Я нахожу сравнение с Ионеско неправильным и был бы также осторожен с понятием абсурда. Конечно, здесь речь идет об абсурдных вещах, о вещах, которые выглядят абсурдными, но под абсурдной литературой ведь понимают нечто другое. Я также не уверен, что это антимилитаристская история. Я скорее сказал бы, что это постмилитаристская история. И в этом я вижу, собственно, смелость этой истории, в которую вкрался некоторым образом феномен и он, собственно, говорит, что больше нет никаких войн, что она представляет собой пережитое, на которое можно оглянуться. Таким образом, это некролог войне, и в этом я вижу политическую силу этой истории, это, собственно, некая утопическая сила⁵⁹.

– т.е., как уточнил Ф. Раддац, «когда ожесточенная критика, сменяется иронической констатацией музейного характера военного противостояния»⁶⁰. И хотя польский писатель Анджей Вирт, присутствовавший на встрече в Принстоне, «сравнил Леттау с Мрожеком», утверждая, что «у обоих писателей “абсурдная” литература равна “ангажированной” литературе»⁶¹, ангажированность эта лишена наступательного свойства. Нужно согласиться с М. Райх-Раницким, заявившим после знакомства с книгой Леттау, что «милитаризм в ней обрисован таким незначительным и безобидным, каким некое утопическое будущее, не зная этого института, должно будет видеть его»⁶². Все эти разговоры о специфике прозы Леттау свидетельствуют о попытках как-то определить жанровую сущность и заключенный в ней смысл, ибо, по большому счету, это произведение, при всей оригинальности исполнения, напоминает по своей посылке холостой выстрел в никуда, что, собственно, и находит свое выражение в некоей растерянности

---

⁵⁹ Ibid.: 388.

⁶⁰ Raddatz, F. “Zur Bilanz von Princeton.”: 496.

⁶¹ Zimmer, D. “Gruppe in Princeton.”

⁶² Reich-Ranicki, M. “Männchen in Uniform. Reinhard Lettau: ‘Feind’.”: 123.

и пестроте высказываний критиков. Правда, не исключено, что такая постановка актуальной проблемы вызвана осторожностью – Леттау, как никак, гражданин США.

Но еще более американцы были удивлены и даже восхищены выступлением Петера Хандке, новичка в «Группе 47», который создал себе совсем в американском духе необыкновенное паблисити, заявив, что «в современной немецкой прозе господствует своего рода импотенция описательности», что «это совершенно пошлая и идиотская литература», что «критика такая же пошлая, как и пошлая литература»⁶³. Г. Майер, один из ведущих критиков «Группы 47», вспоминал, что его попытка интерпретировать выступление Хандке

была встречена этим битлом с полным равнодушием [...] Хандке молчал. Хандке добился успеха [...] Когда вечером Рихтер вошел в соседнюю комнату, Петер Хандке сидел в кресле, а вокруг него расположились корреспонденты газет и радио. Он как раз давал интервью. Классик до мозга костей. Но из какого материала⁶⁴.

Трудно сказать, чего здесь было больше – радости молодого человека, вырвавшегося на литературный простор из провинциальной глуши, или упоения от удовольствия оказаться в центре внимания американской и немецкой прессы, или, наконец, обыкновенного пижонства, возникшего от осознания собственной значимости среди признанных авторов и критиков.

Фридрих Кристиан Делиус вспоминает:

Во всяком случае, всем стало совершенно ясно – это было совсем не спонтанное выступление. Оно вообще не касалось литературы, и приготовлено было заранее. Это были домашние заготовки и тщательно подготовленные, потому что он хотел выступить. И потом этим милым словечком «импотенция описательности» он, естественно, всех убил⁶⁵.

Об этом же пишет и Эрих Куби:

⁶³ “Eine Tagung der Gruppe 47 in Princeton 1966.” *Deutsche Literatur seit 1945*, hrsg. V.V. Bohn. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1993: 255–257.

⁶⁴ Mayer, H. *Ein Deutscher auf Widerruf*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1984: 309–310.

⁶⁵ Цит. по: Böttiger, H. *Die Gruppe 47*: 393.

Его сенсационное выступление – это реклама. Через три дня он предстал в своей голубой шапочке на всеобщее обозрение. Допущенные, наконец, на четвертый день журналисты занимались преимущественно им. Заметившему по этому поводу Рихтеру, что теперь-то он уж точно попадет в *Der Spiegel*, потому что *Der Spiegel* может писать только о чем-то необычном, этот скромный жаворонок ответил: «Я знаю это, и я этого ведь хочу». А как же!⁶⁶.

Конечно, трудно судить о том, было ли выступление Хандке заранее спланированным или оно родилось в ходе слушания им критических баталий в Принстоне. Мне представляется, что последняя версия наиболее вероятна, да и сам Хандке в одном из интервью настаивает на этом, хотя там же он замечает, что отчасти его выступление было связано и с желанием привлечь внимание к своему первому роману «Шершни». Когда М. Дурзак спросил его о том, насколько верны предположения о том, что он «сделал свой первый роман предметом разговора на этом подиуме с тем, чтобы достигнуть какого-то резонанса», Хандке ответил: «можно так сказать»⁶⁷.

Как бы то ни было, но Хандке добился желаемого результата. Американская пресса, а за ней и европейская, сделала силуэт молодого человека с прической à la Beatles с солнечными очками фирменным знаком Петера Хандке. Как писал Г. Бёттигер, «он откровенно перенял эстетику Энди Уорхола и считался в Германии, как и последний, *Trendsetter*»⁶⁸.

Если эти слова критика отражают реальное состояние дел, то его же замечание о том, что выступление Хандке с резкой критикой в адрес «Группы 47» было воспринято «ничем иным, как рождением немецкой поп-культуры из духа “Группы 47”», сделанное уже по прошествии многих лет, явно не отвечает именно духу этого литературного объединения, которое никогда не проявляло какого-то особого интереса к современной американской культуре и к литературе в частности. «Группа 47» – это сугубо немецкое предприятие, независимо от того, что на первых порах своего существования она испытывала определенный пиетет перед Хемингуэем. Хандке по своим литературным

---

⁶⁶ Kuby, E. “Ach ja, da liest da einer.”: 160–161.

⁶⁷ Durzack, M. *Gespräch über den Roman*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1976: 315.

⁶⁸ Böttiger, H. *Die Gruppe 47*: 394.

пристрастиям был откровенно чужеродным явлением в «Группе 47» и не оставил в истории немецкоязычной литературы последователей, он просто пытался таким необычным способом вырваться из австрийского захолустья, для чего использовал встречу «Группы 47» в Принстоне как трамплин. Свою чужеродность в «Группе 47» Хандке, вероятно, понимал, потому что, несмотря на приглашение Рихтера, он отказался принять участие во встрече группы в Пульфермоле в 1967 году [Richter: 394].

После завершения официальной части встречи «Группы 47» в Принстоне руководство университета устроило двухдневную немецко-американскую конференцию, где предполагалось установить прямой контакт между членами «Группы 47» и известными американскими авторами. Правда, контакт этот получился несколько усеченным, так как большинство членов «Группы 47» во главе с Г.В. Рихтером предпочли воспользоваться бесплатной возможностью ознакомиться с Америкой, тем не менее, ряд ведущих авторов (Г. Грасс, П. Вайс, Г.М. Энценбергер, В. Хёллерер, Э. Фрид) и критиков (М. Райх-Раницкий, Г. Майер) составили достаточно представительную команду немецкой литературы. С американской стороны писателей было еще меньше – Уильям Мередит и Сьюзен Зонтаг, последняя больше известна как радикальный критик, чем писательница, а также один из крупнейших американских издателей Уильям Йованович, профессора Лесли Фидлер (университет штата Нью-Йорк в Буффало) и Эрик Бентли (Колумбийский университет). Если на самой встрече «Группы 47» в зале находились только приглашенные Рихтером слушатели, то здесь вход был свободным, и в зале набралось около шестисот человек, среди которых едва ли не самую большую группу составляли преподаватели немецкого языка, в основном бывшие эмигранты, съехавшиеся на эту конференцию со всех штатов США⁶⁹.

Хозяин конференции, профессор В. Ланге, предложил обсудить в течение двух дней две генеральные темы: «Автор и читатели» и «Автор и его творчество». В программе первого дня стояли четыре темы: «Воздействие всеобщего благоденствия – оппортунизм или необходимость?», «Тайный статский советник или придворный шут?», «Новые формы – мода или неизбежность?», «Принуждение себя к обязатель-

---

⁶⁹ Надо сказать, что американские писатели более высокого ранга, приглашенные Г.В. Рихтером на встречу в Принстоне – Эдвард Олби, Джеймс Болдуин, Норман Мейлер, Артур Миллер, Джон Апдайк – по разным причинам отказались приехать [Richter: 604].

ствам: искусство или пропаганда?». Для обсуждения этих тем были образованы четыре команды: У. Йованович, Э. Фрид и У. Мередит; Г. Грасс, Л. Фидлер и М. Райх-Раницкий; Г.М. Энценбергер, С. Зонтаг и В. Хёллерер; П. Вайс, Э. Бентли и Г. Майер. Предполагалось, что в этих командах произойдут жесткие баталии, однако со стороны немецких участников дискуссии верх взяло желание «не оскорблять политическими высказываниями принимающую страну»⁷⁰ и выступления носили довольно сдержанный характер.

К сожалению, сведения о ходе дискуссий приходится брать за редкими исключениями из сообщений прессы, и сообщения эти, понятно, отображают личное видение событий каждого корреспондента; да и эти сообщения представляют собой в основном только обрывки фраз тех или иных участников конференции или изложение их позиций по тем или иным вопросам, что само по себе не позволяет делать каких-либо решительных выводов. Тем не менее, и эти разрозненные сведения представляют определенный интерес, ибо являются отражением или продолжением тех дискуссий, которые проходили на самой встрече «Группы 47», хотя, как заметил один из рецензентов, «три дня, проведенных за закрытыми дверями, были намного интереснее, чем эта конференция»⁷¹.

Общее мнение о ходе дискуссий сводится к тому, что немецкие участники в отличие от американских коллег, читавших, за исключением С. Зонтаг, привыкшей к импровизациям, монотонно по бумажке, проявили «высокую интеллектуальную энергию [...] в стилистически отточенной форме эссе, произнесенных по-английски», однако складывалось впечатление, что «некоторые проблемы, вместо того, чтобы их всесторонне обсудить, просто утопили в многословии»⁷². Тем не менее, в ходе этих дискуссий выявилась единая составляющая при рассмотрении положения писателя в США и Германии.

Поэт Эрих Фрид и Уильям Мередит были солидарны в понимании положения писателя в современном обществе. По мнению Фрида,

успех лишь ненадолго подтверждает изолированное положение писателя; сегодня, когда книги шокирующего свойства постепенно

---

⁷⁰ Breuer, N. "Deutsche und amerikanische Autoren im Dialog." *Mannheimer Morgen* (4.5.1966).

⁷¹ Manthey, M. "Wie gut ist die deutsche Literatur?" *Ruhr Nachrichten* (27.4.1966).

⁷² Breuer, N. "Deutsche und amerikanische Autoren im Dialog."

приучают нас к атомному веку, масс-медиа представляют постоянную опасность, подрывая силы писателя и принуждая его придерживаться только среднего или плохого уровня.

О «вечной борьбе» между идеализмом и материализмом говорил и Мередит, который был убежден в том, что каждая форма искусства в обществе всеобщего благоденствия склоняется к критическому пессимизму⁷³.

Совсем по-иному подошел к рассмотрению этой проблемы Гюнтер Грасс, несомненный фаворит дискуссий, как, впрочем, и всей поездки «Группы 47» в США. Еще до его прибытия в Америку, где он был известен как автор знаменитого романа «Жестяной барабан», вышедшего в этой стране полумиллионным тиражом, его имя уже не сходило со страниц газет, потому что пароход «Микеланджело», на котором он плыл в США, попал в мощный шторм, получил значительные повреждения и даже потерял нескольких пассажиров, и журналисты, в погоне за сенсацией, прибыли на борт корабля на вертолете, чтобы получить информацию о случившемся именно из уст Грасса. Так, «не вступив еще ногой на американскую землю, Грасс успел уже дать десять интервью»⁷⁴. Он прочитал по-немецки с последующим переводом великолепное по своей сатирической направленности, но и не лишённое злых выпадов в адрес ряда авторов группы эссе «О недостаточной уверенности в себе пишущих придворных шутов, принимая во внимание отсутствие этих дворов» (“Vom mangelnden Selbstvertrauen der schreibenden Hofnarren unter Berücksichtigung nicht vorhandener Höfe”, 1966). Это эссе является в известной мере продолжением дискуссии Грасса с Вилли Брандтом, недовольным участием авторов «Группы 47» в предвыборной акции на стороне социал-демократов, но еще в большей степени оно посвящено определению сути писателя в общественной жизни не только ФРГ, но и во всем мире.

Грасс рассматривает сложившуюся в Германии традицию видеть в писателе выразителя настроений определенной социальной группы, своеобразного придворного шута, хотя он, по сути, не является таковым. Отсюда вытекает разделение писателей на «поэтов»,

---

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Kuby, E. “Ach ja, da liest da einer.”: 157.

«гуманистов», «ангажированных», приверженных *nouveau roman* или «социалистическому реализму»⁷⁵.

Станет ли сивая лошадь более белой, если мы ее назовем белой лошадью? Является ли какой-либо писатель, называющий себя «ангажированным», белой лошадью? [...] Он, который далеко не поэт и не шут и не доволен своим лишенным определения обозначением профессии, называет себя «ангажированным» писателем; это всегда мне, извините, напоминает придворного кондитера или католического велосипедиста. И еще прежде чем ангажированный писатель вставит лист бумаги в пишущую машинку, становится ясно, что он пишет не романы, не стихи и не комедии, а «ангажированную» литературу. Ничего удивительного, если ввиду этой, столь четко обозначенной литературы, все остальное должно быть только неангажированной литературой [...] Подобного рода запутанные и измученные страхом профессиональные различия начинают прорастать манифестами и поглощать вместо холодного пота признания. Если, например, Петер Вайс, который все же написал книгу «Тень кучера», вдруг заявляет, что он является «гуманистическим писателем», то, стало быть, обмытый всеми языковыми ручейками поэт и стихотворец к этому не имеет никакого отношения, потому что это определение обезображено как некое замещение еще во времена Сталина, отчего этому фарсу об ангажировано-гуманистическом писателе обеспечен успех.⁷⁶

При этом Грасс все время подчеркивает, что его рассуждения построены на литературном материале ФРГ, хотя, по его мнению, «и в Соединенных Штатах Америки имеются поэты, писатели, ангажированные и гуманистические и остальные, поспешно оклеветанные»⁷⁷. И далее следует серия сатирических мини-сюжетов футуристического толка, в которых Грасс демонстрирует всю абсурдность каких-либо претензий писателей на статус – если не придворного шута, то хотя бы тайного советника:

---

⁷⁵ Принятое в Германии разделение на “Dichter” и “Schriftsteller”, т.е. между художником, являющимся выразителем «высокой поэзии» (что, впрочем, предполагает не только поэзию, но и прозу), и писателем, отдающим предпочтение проблемам повседневной действительности.

⁷⁶ Grass, G. “Vom mangelnden Selbstvertrauen der schreibenden Hofnarren unter Berücksichtigung nicht vorhandenen Höfe.” *Akzente* 13:3 (1966): 196.

⁷⁷ Ibid.

После многих бессонных ночей федеральный канцлер призывает в свое канцлерское бунгало писателя Генриха Бёлля. Ангажированный писатель молча вникает в проблемы канцлера, чтобы затем, как только канцлер опустится в кресло, помочь ему кратким и неотразимым советом. После обсуждения этого совета спасенный федеральный канцлер вскакивает с кресла, готовый обнять ангажированного писателя, однако тот ведет себя недружелюбно. Он ведь не собирается стать придворным шутом и призывать преобразовать совет писателя в поступок канцлера. На следующий день удивленный мир узнает о том, что федеральный канцлер Эрхард решил распустить армию, признать ГДР и линию Одер-Нейсе и лишить капиталистов собственности.

Вдохновленный таким успехом, гуманистический писатель Петер Вайс, приехавший из Швеции, отправляется в только что признанную ГДР и уведомляет председателя государственного совета Вальтера Ульбрихта о своем визите. Тот, как и Людвиг Эрхард, нуждающийся в хорошем совете, сразу же принимает гуманистического писателя. Совет был дан, обьятия отклонены, совет был реализован в поступки; а на следующий день изумленный мир узнает, что председатель государственного совета аннулировал приказ о применении оружия на границе его государства и преобразовал политические отделы всех тюрем в народные детские сады. В соответствии с данным советом председатель государственного совета извинился перед поэтом и певцом Вольфом Бирманом и попросил его распевать до хрипоты в веселых и дерзких строфах про его, председателя государственного совета, сталинистское прошлое⁷⁸.

Не обошел в своих сатирических картинах Грасс и себя, говоря о том, что и сам не чужд этих «преувеличенных желаний», высказываемых писателями «вполголоса, в неясном бормотании», и тут же нарисовал картину, в общем-то, не так уж далекую от реальности, хотя и с переставленными знаками, построенную на знакомой ему ситуации времен его участия в избирательной кампании социал-демократов:

После проигранных выборов в бундестаг растерянный кандидат на пост канцлера от оппозиции призвал к себе писателя – выступающего здесь с докладом вашего покорного слугу. Последний выслушал его,

---

⁷⁸ Ibid.: 197.

дал совет, отклонил объятия; а на следующий день удивленный мир узнал, что социал-демократы сняли с повестки дня Годесбергскую программу, а вместо нее выпустили манифест, который остро, с блеском и, наконец, снова-революционно вдохновил рабочий класс надеть кепку. Нет, до революции дело не дошло, потому что при всей резкости манифест был составлен так деловито, что ни церковь, ни капиталисты не могли игнорировать эту аргументацию. Без боя социал-демократы сдали правительство и т.д. и т.п. Я полагаю, подобные пожелания и достижения можно реализовать и в Соединенных Штатах Америки, если, например, президент Джонсон пригласит выступавшего передо мной Аллена Гинзберга в качестве советчика⁷⁹.

Несмотря на весь блеск сатирических картин на тему возможного соотношения духа и власти, рассуждения Грасса о роли и назначении в современном обществе писателя подводят к мысли о том, что «это существо», «находящееся в смятении, сомневающееся в собственном творчестве [...] это многоликое существо, сотрясаемое честолюбием, невротами, семейными неурядицами», трудно всерьез представить в роли «придворного шута или тайного советника».

...даже такой признанный любитель литературы и страстный критик как Марсель Райх-Раницкий [...] не устает призывать писателей к протестам, заявлениям и признаниям. Не потому, что от них требуется стать на сторону какой-либо партии, примерно за социал-демократов или против них, нет, они должны протестовать с позиций писателя, в известном смысле застенчивой элиты, проклинать войну, восхвалять мир и порождать благородное мышление. При этом, как показывает некоторое знание этого цеха, писатели являются эксцентричными особями, хотя они и скопляются толпами на литературных встречах. Правда, я знаю многих, которые с трогательной привязанностью оберегают революционные вещи, доставшиеся им по наследству, а именно веру в коммунизм, этот плюшевый диван цвета красного вина с просиженными пружинами, используемые для послеобеденных мечтаний, но также и тех, прогрессивно-консервативных, расколовшихся на одиночные фракции, и каждый читает своего Маркса. Зато других каждое утро мобилизует силы, чтобы устремить на короткое

---

⁷⁹ Ibid.: 198. Годесбергская программа – главный теоретический документ СДПГ.

время взгляд в газету и выказать возмущение во время завтрака: «Нужно что-то делать! Нужно что-то делать!» [...] А есть еще много писателей, известных и неизвестных, которые совсем не желают стать «совестью нации», временами переворачивают свой письменный стол и занимаются демократическими делами. Но это означает – стремиться к компромиссу; мы живем компромиссами. Тот, кто это напряжение выдерживает каждый день, и есть шут, который изменяет мир⁸⁰.

Это выступление Г. Грасса целиком и полностью посвящено состоянию дел в «Группе 47», возникшему разброду между поколениями и в самих поколениях. В какой-то мере его можно рассматривать и как призыв к объединению распадающегося собрания единомышленников. Наконец, это и возможность высказать все, что нельзя было сделать в силу сложившейся традиции отказа от общих дискуссий по различным проблемам, если они не касаются собственно художественных особенностей обсуждаемого произведения. Не случайно в этом сатирическом эссе звучат имена конкретных членов «Группы 47», имеются отсылки к неназванным коллегам, что позволяет считать это произведение, независимо от его общей посылки, неким видом «домашней разборки». Последнее обстоятельство не лишено смысла, как это выяснится впоследствии в реакции ряда членов «Группы 47», в частности З. Фрида, на тональность самого выступления Г. Грасса. В каком-то смысле это выступление Г. Грасса можно истолковать и как призыв к американским писателям, учитывая не прекращающиеся рецидивы столкновений их с властью предрержащими.

Лесли Фидлер, известный американский литературовед, прославившийся впоследствии своей поездкой по Европе, во время которой он расписывал прелести постмодернизма, за что и был закидан помидорами в Германии, отметил, что «в сытом обществе писатель потребляется, как попкорн, и даже сатира “сжирается” с большим аппетитом»⁸¹. Марсель Райх-Раницкий подтвердил сходную ситуацию на примере ГДР и ФРГ. По его мнению, западногерманским авторам, которых «последнее время называют “интеллектуалами”», становится порой трудно проявлять смелость; их творческой свободе, в отличие от их коллег в ГДР, ничто не мешает, однако многие из них не обладают

⁸⁰ Grass, G. “Vom mangelnden Selbstvertrauen...”: 198–199.

⁸¹ Pich, M. “Dreimal täglich gelesen, gelobt, gerichtet.” *Hannoversche Allgemeine* (3.5.1966).

какой-либо прочной уверенностью по отношению к самим себе и к обществу, отмеченному духом процветания»⁸². «На Востоке писатели могут мало что сказать, и поэтому достигают большего; на Западе они могут сказать все и достигают немного, кроме, разве что, определения “написано очень хорошо”»⁸³. Именно поэтому, считает критик, «на Западе писатели теперь больше всего озабочены политикой, а на Востоке политики, больше, чем где-либо, вынуждены озаботиться писателями»⁸⁴.

Ганс Магнус Энценсбергер сказал, что в современном литературном процессе, отмеченном обилием поп-арта, оп-арта и прочих модных направлений, «нет дилеммы между модой и необходимостью», главное заключается в оригинальности и новизне новых стилей.

Литературу и искусство нельзя подавать как растворимый кофе; сегодня, когда литература стала «производством», нужно продавать не идеологии, а мысли, схожие реальным фактам; различные фазы, в которых сегодня проявляется литературная продукция – из книг делают фильмы, радио- и телепередачи, – вызывают опасения, что мы вскоре будем иметь дело с Левиафаном индустриальной литературы⁸⁵.

Эту же опасность видит и Вальтер Хёллерер, говоря о различных значениях одного и того же слова в разделенной Германии; его также беспокоит ограничение творческого материала в средствах массовой информации из-за невозможности передать техническими средствами «происходящие в жизни вещи»⁸⁶.

Отличную от всех выступающих позицию заняла Сьюзен Зонтаг, заявив, что ей трудно представить, чтобы литература могла являться формой социального активизма, если литература хочет считаться искусством. Литература является самой консервативной из всех имеющихся сегодняшних искусств, хотя Джеймс Джойс, Гертруда Стайн, Сэмюэл Беккет и «пытались» подхватывать новые формы стилей. Ее заявление о том, что искусство и собственно литература не воспри-

---

⁸² Breuer, N. “Deutsche und amerikanische Autoren im Dialog.” *Manheimer Morgen* (4.5.1966).

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ferber, Chr. “Literatur in Wohlstand.”

⁸⁵ Breuer, N. “Deutsche und amerikanische Autoren im Dialog.”

⁸⁶ Ibid.

нимаются как “statement” (выражение мыслей), что литература не идентифицируется с жизнью, не вызвало единодушного признания⁸⁷. В подкрепление этих слов Зонтаг сослалась на свой опыт, заявив, что «она пишет так, как пишет художник и как сочиняет композитор, но не для того, чтобы передать послание или оказать какое-то влияние, а чтобы испытать радость от эстетической формы»⁸⁸.

Выступление Петера Вайса было встречено аплодисментами, и это объяснялось его необычайной известностью в США. Его пьеса «Дознание», написанная по материалам судебного процесса над бывшими охранниками Освенцима, проходившего в 1964–1965 гг. во Франкфурте-на-Майне, с успехом шла во многих театрах США. Однако Вайс говорил не о пьесе, а о своем пути постижения творческой и социальной заданности работы писателя, об осознании необходимости каким-то образом выразить свой протест, выступить в защиту эксплуатируемых и угнетаемых, ибо в противном случае писатель становится, пускай и пассивным, соучастником преступлений, совершавшихся в Греции, на Мадагаскаре, в Конго, Анголе, во Вьетнаме. Однако этого недостаточно, и Вайс приходит к решительному выбору:

Я должен выступить в защиту этих людей, стать их голосом, должен дать выражение их нечленораздельным реакциям и надеждам [...] Тем, кто аплодировал моим самым резким экспериментам, тем, кому понравился эксгибиционизм моего отчаяния, я хотел бы сказать, что теперь я стал более слабым, что мое искусство потеряло прежнюю силу. Но я теперь недолго буду верить в независимое окружение искусства, даже если это будет означать, что мне придется снова начинать сначала и при этом совершать ошибки.

Я не думаю, что для писателя это будет означать необычную ситуацию. Есть много таких, кто подчеркивает в своих произведениях как их личный индивидуализм, так одновременно и необходимость радикальных политических изменений. Конфликты, возникающие при такой ангажированности, являются частью нашей работы, нам приходится с ними жить, зачастую они дают нам мотивы, которые мы пытаемся раскрыть в наших произведениях⁸⁹.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Zimmer, D. “Gruppe in Princeton.”

⁸⁹ Weiß, P. “Rede, gehalten an den Princeton Universität USA am 26. April 1966 unter dem Titel ‘I Come out of My Hiding Place’.” *Deutsche Literatur seit 1945*, hrsg. V.V. Bohn. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1993: 259–260.

[...]

Раньше он был пассивным зрителем, погруженным с головой в неприкосновенные, частные области своего искусства, в то время как вокруг него разваливался весь мир. Сегодня он считает своей обязанностью отдать свой голос в защиту эксплуатируемых и угнетаемых, потому что сосредоточенность на одном только искусстве означает преступное согласие с коррупцией в обществе и с повсеместным великим разбоем⁹⁰.

Однако интерес к П. Вайсу не ограничивался только спецификой его драматургии. В еще большей степени интерес этот вызван был критическими высказываниями Вайса по поводу войны во Вьетнаме. В интервью *The New York Times* Вайс заявил: «Я не “за” войну во Вьетнаме. Вот почему я и другие писатели прибыли сюда. Мы хотим продемонстрировать нашу солидарность с теми, кто сражается за иную Америку, кто борется за новую Америку»⁹¹. Интервью подавалось так, как будто Вайс говорил от имени «Группы 47». Несмотря на решительное опровержение Вайсом подобной трактовки его выступления, оно вызвало не только недоумение среди устроителей встречи «Группы 47» в США, с которыми была договоренность о том, что авторы группы не будут вмешиваться в политические дела приглашенной стороны, но и гнев Г.В. Рихтера, обеспокоенного сохранением имиджа «Группы 47», усиленный жесткими перепалками по этому поводу между Г. Грассом и П. Вайсом. В своем дневнике П. Вайс записал:

24 апреля студенты университета устроили встречу, направленную против войны во Вьетнаме. Леттау и я решили принять участие в ней. Мы сидели в гостиничном номере одного из старейшин «Группы 47» [речь идет о Г. Грассе. – Е.З.], когда от нас потребовали объяснений. Было сказано, что мы «как немецкие писатели», не имеем права вмешиваться в американские дела. Я сказал, что я не как немец, и не как швед, а как антиимпериалист приму участие в этой мероприятии⁹².

---

⁹⁰ Zimmer, D. “Gruppe in Princeton.”

⁹¹ Цит. по: Böttiger, H. *Die Gruppe 47*: 384.

⁹² Weiß, P. *Notizbücher 1971–1980*. Bd. 2. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1981: 733–734.

Грасс также был приглашен на это мероприятие, но отказался, отправившись на премьеру спектакля «Мир Гюнтера Грасса» (“The World of Gunter Grass”), созданный по мотивам его романов.

Несмотря на грозный окрик Г. Грасса, Р. Леттау, П. Вайс и примкнувший к ним Г.М. Энценсбергер приняли решение участвовать в этом “teach-in”, найдя особый способ избежать каких-либо осложнений как в «Группе 47», так и среди руководства университета, в оригинальном представлении их участникам этого собрания – «один немец, являющийся гражданином Швеции, один немец, который живет в Норвегии, и один американский гражданин, который живет в Берлине». Вайс уточнил этот расклад:

Против членов группы неоднократно выдвигались обвинения – немцам, да к тому же находящимся в гостях в Америке, не следует вмешиваться в политические дискуссии. Никого из нас, кто будет перед вами выступать, нельзя назвать немцами; мы живем за границей и являемся немцами в той мере, в какой мы пользуемся немецким языком. Энценсбергер в свою очередь предупредил, что он, будучи обремененным немецким опытом, не собирается ввязываться во вьетнамский вопрос, и призвал общественное мнение Америки выступить против доступа Федеративной республики Германии к атомному оружию. Чем больше Америки завязнет во Вьетнаме, тем слабее будут обстоять дела с демократией в Германии⁹³.

Активное участие П. Вайса в различных антивоенных мероприятиях в Нью-Йорке вызвано было не только усилением в его творчестве левых настроений, его растущего интереса к марксизму, но и тем, что он все больше воспринимал себя в «Группе 47» инородным телом. Складывалось такое ощущение, что его терпели в этом литературном сообществе только потому, что он был действительно талантливым писателем, этого не отрицали даже его недоброжелатели, вроде Г. Грасса. Но и это качество не спасало Вайса от отчуждения в группе, ибо несмотря на то, что его пьесы шли по всему миру (во время встречи в Принстоне состоялась премьера «Марата», на все спектакли билеты были давно раскуплены), отношение к нему ухудшалось год от года, и только дружеские отношения П. Вайса с Г.В. Рихтером позволяли со-

---

⁹³ Litzmann, S. “Grass, Weiß und Anti-Vietnam.” *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (2.5. 1966).

хранять какие-то связи писателя с «Группой 47». В это смысле примечателен уже упоминавшийся разговор Вайса в Принстоне с «одним из старейшин “Группы 47”», т.е. с Г. Грассом, который, наконец, выложил самым непристойным образом все, что у него накипело против Вайса:

Затем мы заговорили о необходимости выступать против brutality в сопротивлении [...] От критики против Германии, сказал я, только потому, что живу в Швеции, я не откажусь. И тут началось: ты вообще не можешь высказываться против Германии, ты был за ее пределами, в безопасной эмиграции, мы были там, мы принимали участие в войне [...] Это было то, что я постоянно ощущал, когда я бывал в Германии, и что часто оставалось в неопределенности: теперь это произошло, окончательный разрыв⁹⁴.

Этот разговор так запал Вайсу в душу, что он воспроизвел его в своих дневниках только в конце 70-х годов XX века.

Подобные установки, определяющие столь резolutивно выбор темы для писателя, являющегося членом свободного объединения литераторов, да еще сформулированные не Г.В. Рихтером, а одним из членов «Группы 47», пускай и приближенным к ее руководителю, не остались незамеченными. У некоторых критиков возникло ощущение раздвоения власти в «Группе 47». Э. Куби уже пишет о том, что

внезапно «Группа 47» обрела двух папочек: Рихтера и Грасса. Один заботится о том, чтобы ее члены вовремя садились на стульчик, другой – об их самосознании. Однако с потомством у папочек возникли сложности. В 1966 году они родили только одного ребенка, мальчика, который оказался девочкой. Его звать Петер Хандке⁹⁵.

Разговоры о двоевластии в группе начались еще до поездки в США, однако с полной силой эта тема получила развитие после известного выступления Г. Грасса на конференции в Принстоне, где он прочитал свое сатирическое эссе о придворных шутах, вызвавшее неоднозначный отклик именно среди авторов «Группы 47», особенно в части, касающейся П. Вайса. В письме к Г.В. Рихтеру Э. Фрид сообщает:

---

⁹⁴ Weiß, P. “Rede, gehalten an den Princeton Universität USA...”: 784.

⁹⁵ Kuby, E. “Ach ja, da liest da einer.”: 161.

Я нахожу эту речь отвратительной, считаю ее бесстыдным злоупотреблением способностью создавать ослепительные неологизмы; я воспринял эту речь как почти неприкрытое восхваление собственных достоинств [...] Я не понимаю, как интеллигентный, талантливый, пользующийся успехом человек мог увлечься нападками на Петера Вайса, к тому же в Америке, на английском языке; нападками, которые становились не менее злыми оттого, что оратор откровенно, со вкусом (как его угри) пытался при фиксации каждого пункта, каждого факта, скрыть то, что на самом деле это нападки. Недоброжелательность была во всем – вплоть до мельчайших деталей. Так, Грасс назвал самым значительным произведением не «Марата», не «Разговор трех идущих» (который, на мой взгляд, лучше, чем вся проза Грасса), а «Тень кучера» [...] Я не питаю никакой личной ненависти к Гюнтеру Грассу, считаю его высокоодаренным, хотя в литературном отношении и постоянно подвергающим себя опасности из-за своих отрицательных свойств [...] Хотя Грасс не является тайным диктатором группы [...] но Грасс в группе, пожалуй, больше всех жаждет власти [...] Очень жаль обоих – и группу, и Грасса.

Я не единственный, кто, в конце концов, сыт по горло этой принстонской речью и вообще замашками Гюнтера [Richter: 608–609].

Г.В. Рихтер, как и следовало ожидать (поскольку он, по его собственному признанию «испытывал к Грассу отеческие чувства»⁹⁶), отнесся к высказываниям Э. Фрида о Г. Грассе спокойно: «Само собой разумеется, что он – в отличие от меня – имеет тягу к власти. Но он по отношению ко мне в этом смысле ведет себя чрезвычайно сдержанно, и я не думаю, что это вопрос тактики» [Richter: 616].

Как бы то ни было, подобные настроения среди членов «Группы 47» свидетельствуют о некотором разладе в механизме этого литературного объединения, усиленного политическими дрызгами, чего, собственно, и боялся Г.В. Рихтер на протяжении многих лет, выступая против социально-политических дискуссий на встречах группы. Конечно, в случае с Вайсом дело происходило не на самой встрече, а на конференции, где и принято публично обсуждать запретные для литературных чтений вопросы, однако, с учетом того, что «Группа 47»

⁹⁶ Richter, H.W. *Im Etablissement der Schmetterlinge: einundzwanzig Portraits aus der Gruppe 47*. München: C. Hanser, 1985: 121.

была не дома, а за рубежом, и в некотором смысле она была выставлена на всеобщее обозрение как некое единое в литературном и культурном отношении явление, можно было бы и воздержаться сводить счеты подобным образом, как это сделал Г. Грасс, тем более, что первые отклики о поездке «Группы 47» в США, как в ее рядах, так и в Германии, свидетельствовали о надвигающейся буре значительно большего масштаба, чем история взаимоотношений Г. Грасса, П. Вайса и Э. Фрида. Речь шла уже о самом существовании «Группы 47».

Несмотря на различные нестыковки и перепалки (а их было более чем достаточно), Г.В. Рихтер с некоторым удовлетворением заметил, закрывая встречу: «Это была не хорошая и не плохая встреча. Это была средняя встреча»⁹⁷.

Единственно, кто по праву оценил заокеанский визит «Группы 47», так это немецкие эмигранты. Как это ни парадоксально, но приезд именно «Группы 47», члены которой принципиально отвергавшие эмиграцию как способ борьбы против фашизма и соответственно отвергавшие за некоторым исключением и немецкую эмигрантскую литературу, называя ее «законсервированной» литературой двадцатых годов⁹⁸, был воспринят немецкими эмигрантами как глоток свежего воздуха. Правда, по словам Г. Шwab-Фелиша, «Г.В. Рихтер заявил, что он принял приглашение профессора Виктора Ланге и Принстонского университета не в последнюю очередь в надежде встретиться с немецкими эмигрантами»⁹⁹. Подтверждения этому в письмах и выступлениях Г.В. Рихтера не удалось обнаружить, но, как бы то ни было, встреча эта произошла, о чем свидетельствует присутствие, в первую очередь на конференции, сотен немецких преподавателей из разных концов Америки¹⁰⁰, а также небывалый интерес к выступлениям с чтением своих произведений П. Вайса, Г.М. Энциенсбергера, Ю. Беккера и У. Йонсона в Гёте-институте Нью-Йорка: попасть туда можно было, только отстояв на улице огромную очередь¹⁰¹. В этом смысле интересное наблюдение оставил член «Группы 47» Пауль Шаллюк:

---

⁹⁷ Kleist, S. "Eine mittelmäßige Tagung." *Andere Zeitung* (München) (30.4/1.5.1966).

⁹⁸ Richter, H.W. *Mittendrin. Die Tagebücher 1966-1972*, hrsg. V.D. Geppert. München: Beck Verlag, 2012: 26.

⁹⁹ Schwab-Felisch, H. "Die Gruppe 47, Peter Handke und die folgen." *Merkur* 6 (1966): 600.

¹⁰⁰ Zimmer, D. "Gruppe in Princeton."

¹⁰¹ Litzmann, S. "Grass, Weiß und Anti-Vietnam."

Там, где опытные специалисты группы говорили об «усердной, посредственной, самой незначительной чем когда-либо встрече», эмигранты не уставали удивляться тому, как конкретна была критика, как свежо и мгновенно критиковали, как эта критика приходила к справедливым выводам, так что даже корифеи подвергались жесткому разному [...]. Для них важно было обрести тесный контакт с немецкой литературой, с теми, чье творчество они разьясняют своим студентам, важно было наблюдать процесс ее возникновения, важно почувствовать сложности и проблемы творчества. Они оживали во время споров о словах, предложениях, значениях и интерпретациях. Они констатировали, хотя и скромную, связь между литературой, которую они понимали, и современной западногерманской литературой, которая была представлена им, пускай и в отрывках. И они ощущали некий гуманитарный импульс, который выражался при всем качественном различии в текстах и в критике. Благодаря «Группе 47» они ощутили, хотя бы на краткий срок, устранение изоляции, в которой они вынуждены жить и работать. Эта встреча, если подумать, была правильной и стоила того, чтобы «Группа 47» в 1966 г. приехала в Принстон, независимо от периодически возникающих враждебных проявлений, незатихающих бранных и презрительных речей по поводу американского предприятия и недовольства в собственных рядах¹⁰².

Обозревая все события, связанные с проведением встречи «Группы 47» в Принстоне, однако никто не подумал о том, что в известном смысле «Группа 47», устроив показательный критический турнир, не то чтобы вошла в чужой монастырь со своим уставом, а просто ошиблась дверью, ибо для американской литературы европейский опыт давно уже потерял всякое значение, потому американская пресса, не говоря уже о полном безразличии к этому событию ведущих американских авторов, несмотря на полученные приглашения, и отнеслась к явлению «Группы 47» в США с некоторой прохладцей. Единственная более или менее внятная статья профессора Иоахима П. Бауке, германиста из Колумбийского университета, опубликованная в *The New York Times Book Review* от 15 мая 1966 г., носит, в общем-то, информационный характер с некоторыми литературоведческими вкраплениями по

---

¹⁰² Schallück, P. “Die Begegnung in Princeton war doch eine Reisewet.” *Welt der Arbeit* (24.6.1966).

поводу выступлений В. Йенса, Р. Леттау и молодых авторов. Смысл их раскрывается в заявлении, что нет ничего удивительного в том, что немецкая читающая публика предпочитает Нормана Мейлера и Джеймса Болдуина, чем собственных авторов»¹⁰³. Это другой мир, живущий по своим законам, и «Группа 47» предстала в нем как некое если не архивное, то, по крайней мере, занятное явление – и не более того.

ЛИТЕРАТУРА

Батурин С. Джон Стейнбек и традиции американской литературы. М.: Художественная литература, 1984.

Днепров В. Идеи времени и формы времени. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1980.

Старцев А. От Уитмена до Хемингуэя. Изд. 2. М.: Советский писатель, 1981.

Шнурре В. Когда отцовы усы еще были рыжими. Рассказы. М.: Художественная литература, 1981.

REFERENCES

Baturin, S. *Dzhon Steinbek i traditsii amerikanskoi literatury* [John Steinbeck and American Literary Traditions]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984. (In Russ.)

Böttiger, H. *Die Gruppe 47. Als die deutsche Literatur Geschichte schrieb*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2012.

Cofalla, S. “*Der soziale Sinn*” Hans Werner Richters: zur Korrespondenz des Leiters der Gruppe 47. Berlin: Weidler Buchverlag, 1997.

Deschner, K. *Talente – Dichter – Dilettanten*. Wiesbaden: Limes, 1964.

Dichter und Richter: Die Gruppe 47 und die deutsche Nachkriegsliteratur. Berlin: Akademie der Künste, 1988.

Dneprov, V. *Idei vremeni i formy vremeni* [Ideas of Time and Form of Time]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie Publ., 1980. (In Russ.)

Durzack, M. *Gespräch über den Roman*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1976.

Franzen, E. *Aufklärungen*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1964.

---

¹⁰³ Bauke, J.P. “Die Gruppe 47 in Princeton.” *The New York Times Book Review* (15.6.1966).

“Eine Tagung der Gruppe 47 in Princeton 1966.” *Deutsche Literatur seit 1945*, hrsg. V.V. Bohn. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1993: 255–257.

“Erklärung über den Krieg in Vietnam.” *Die Gruppe 47*, hrsg.v. R. Lettau. Berlin, Neuwied: Luchterhand Verlag, 1967: 459–462.

Friedrich, H. “Das Jahr 47.” *Almanach der Gruppe 47: 1947–1962*, hrsg.v. H.W. Richter. Reinbek bei Hamburg: Rowohl Verlag, 1964: 15–21.

Glaser, H. *Kulturgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Zwischen Grundgesetz und Großer Koalition 1949-1967*. München, Wien: Hanser Verlag, 1986.

“Ich habe nichts über den Krieg geschrieben’. Ein Gespräch mit Heinrich Böll und Hermann Lenz.” *Literaturmagazin 7. Nachkriegsliteratur*, hrsg. v. N. Born, J. Manthey. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1977: 30–74.

Lange, V. “Princeton und die Folgen.” Richter, T. *Die Gruppe 47 in Bildern und Texten*. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 1997: 133–134.

Lettau, R. *Der Irrgarten. Geschichten und Gespräche*. Leipzig: Leipzig Reclam, 1980.

Marx, L. *Die deutsche Kurzgeschichte*. Stuttgart: Stuttgart Metzler, 1985.

Mayer, H. *Ein Deutscher auf Widerruf*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1984.

Protokoll zur Person. Autoren über sich und ihr Werk, hrsg.v. E. Rudolph. München: List, 1971.

Reich-Ranicki, M. “Männchen in Uniform. Reinhard Lettau: ‘Feind’.” Reich-Ranicki, M. *Lauter Verrisse*. München: Piper Verlag, 1970: 119–124.

Richter, H.W. *Briefe*, hrsg.v. S. Cofalla. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1997.

Richter, H.W. *Im Etablissement der Schmetterlinge: einundzwanzig Portraits aus der Gruppe 47*. München: C. Hanser, 1985.

Richter, H.W. *Mittendrin. Die Tagebücher 1966–1972*, hrsg. V.D. Geppert. München: Beck Verlag, 2012.

Richter, Z.W. “Wie entstand und was war die Gruppe 47.” *Hans Werner Richter und die Gruppe 47*, hrsg.v. H.A. Neunzig. München: Nymphemburger Verlag, 1979: 41–176.

Schnurre, W. *Kogda otsovy usy eshche byli ryzhimi. Rasskazy*. [Als Vater sich den Bart abnahm. Erzählungen] Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. (in Russ.)

Startsev, A. *Ot Uitmena do Khemingueia*. [From Whitman to Hemingway] Ed. 2. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1981. (in Russ.)

Weiß, P. “Rede, gehalten an den Princeton Universität USA am 26. April 1966 unter dem Titel ‘I Come out of My Hiding Place’.” *Deutsche Literatur seit 1945*, hrsg. V.V. Bohn. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1993: 257–260.

Weiß, P. *Notizbücher 1971–1980*. Bd. 2. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1981.